

О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АСПЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Постановка задачи

В настоящей статье предпринимается попытка дать типологическую характеристику аспектуальной системы чукотско-камчатских языков. Рассматривается материал чукотского, корякского и алюторского языков. Основным источником данных служат грамматические описания и тексты на трех языках. Для чукотского языка это данные грамматик и специальных исследований [Скорик 1961; Недялков и др. 1983; Dunn 1999], а также материалы изданных фольклорных текстов (помета «т» при примерах) и текстов («р») и анкет («а»), собранных М. Ю. Пупыниной. Для алюторского языка это книга «Язык и фольклор алюторцев» ([Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000], далее просто ЯиФА), содержащая корпус текстов (около 1,500 предложений) и грамматический очерк, и монография, специально посвященная алюторскому глаголу [Мальцева 1998]. Для корякского языка это грамматические описания [Молл 1960; Жукова 1972] и ранее опубликованные тексты [Жукова 1988]; причем мы в основном опираемся на чавчувенский диалект, положенный в основу корякской письменной нормы. Все тексты приводятся в унифицированной латинской транскрипции, приближенной к IPA. Кроме самой общей информации (например, [Володин 1992]), данные мертвого керекского языка, описанного слабее других языков семьи, не используются.

Данные ительменского языка, традиционно также относимого к чукотско-камчатской семье (ср., однако [Володин 1997: 13]), но структурно значительно удаленного от других языков семьи, при написании статьи не рассматривались. Строго говоря, рассматриваемые в статье языки следовало бы поэтому называть чукотско-корякскими. Но а) этот термин является не вполне традиционным и б) отнесение ительменского к этой семье оспаривается, и статус такого объединения оказывается спорным, что так-

же затрудняет номинацию (семья или группа внутри семьи), поэтому мы условно сохраняем термин, имеющий более широкое хождение в лингвистической литературе.

Теоретической рамкой для интерпретации данных и описания аспектуальной зоны, как и в некоторых других статьях настоящего сборника, является типологический подход к категории вида. Этот подход опирается на две основные группы понятий: во-первых, универсальный инвентарь элементарных аспектуальных значений (прогрессив, комплетив, результатив и пр.) и, во-вторых, аспектуальные кластеры, т. е. типичные сочетания элементарных видовых значений, более или менее часто комбинирующиеся в языках мира в одном показателе и взаимодействующие с акциональными характеристиками предикатов, в том числе модифицирующие последние (хабитуалис, переводящий любой предикат в класс состояний в соответствии с трактовкой в Плунон-ян 2011: 398–400). Учитываются также категории, не являющиеся чисто видовыми, но диахронически или функционально связанные с аспектом (перфект, аорист и пр.).

Статья преследует следующую задачу: дать аспектуальную характеристику грамматического ядра глагола в чукотско-камчатских языках, соотнести основные архитектурные единицы глагольной парадигмы со значениями универсального набора и типологическим инвентарем кластеров. При этом в стороне остается существенный элемент системы — показатели аспектуальной деривации. Скажем только, что чукотско-камчатские языки располагают целым рядом суффиксов, более или менее тесно связанных с аспектом — категории мультипликатива, мультиобъектности или мультисубъектности, дистрибутивности, андатив и другие. Особый интерес представляет глагольный корень ‘начать’, который очень часто инкорпорируется в глагольный комплекс и становится своего рода инхоативным суффиксом. Эти показатели требуют специального исследования.

Для удобства межъязыкового сопоставления внутри семьи данные разных языков приводятся параллельно. Цель сопоставления — выявить функциональные отличия категории, накопившиеся в ходе ее языковой эволюции. Наш анализ, таким образом, лежит в методологических рамках так называемой внутригенетической типологии (о внутригенетической типологии как методе см., например, [Кибрик 2003: 191–195]).

2. Общая характеристика языков чукотско-камчатской семьи

Чукотско-камчатские языки распространены на Дальнем Востоке РФ (чукотский — на полуострове Чукотка и северо-востоке Якутии, корякский и алюторский — на полуострове Камчатка и прилегающей к нему части материка). Согласно господствующей точке зрения, к семье принадлежит также ительменский язык, впрочем, значительно отличающийся от других языков семьи.

Состояние чукотского языка представляется относительно устойчивым — хотя он не обладает статусом официального языка федеральной единицы (лишь статусом «местного официального языка в местах проживания» в республике Саха), в последней переписи (2002 г.) около 7 тыс. человек заявили о владении чукотским языком, ведется его обязательное преподавание в начальной и факультативное преподавание в средней школе; публикуется некоторый объем печатных текстов.

После объединения в 2007 г. Корякского автономного округа с административным центром в Палане и Камчатской области в Камчатский край корякский язык находится в менее выгодном положении, так как не является единственным этническим языком своего федеративного субъекта. Наряду с ним на Камчатке представлены ительменский, а на Командорских островах также алеутский языки. В целом корякский язык менее сохранен, количество коряков по переписи составляет ок. 3 тыс. человек. Школьное преподавание корякского языка ведется в начальных классах, имеется одно периодическое издание.

Отметим, что по сравнению с переписью 1989 г. количество людей, идентифицировавших себя как чукчи и коряки, упало в два и в три раза, соответственно.

Наконец, алюторский язык находится в критическом состоянии: по данным переписи алюторским языком владеет около 40 человек. В значительной степени это связано с тем, что он лишен официального статуса самостоятельного языка (что, впрочем, затрудняет и интерпретацию самих результатов переписи). Некоторые исследователи считают его диалектом корякского языка. Как показывают демографические данные, с социолингвистической точки зрения он и является таковым, так как не служит средством этнической самоидентификации — по данным той же переписи не коряками назвали себя лишь 12 алюторцев. С точки

зрения взаимопонимания и близости языковых структур он достаточно далек от литературного корякского языка (в том числе, как мы увидим ниже, и с точки зрения аспектуальной системы), хотя в целом ближе к нему, чем к чукотскому. Преподавание алюторского языка в школе не ведется. По приблизительной оценке в пос. Вывенка (где нам довелось работать с алюторским языком) число полноценных носителей не превышает десяти человек, самому молодому из которых около 50 лет; дети утратили владение языком даже на уровне понимания. Впрочем, специальное социолингвистическое исследование состояния алюторского языка ни в Вывенке, ни в других традиционных ареалах языка, насколько нам известно, не проводилось.

Для чукотского языка характерна гармония гласных, менее последовательно представленная в корякском и отсутствующая в алюторском языках. По умолчанию чукотские показатели приводятся в варианте со «слабым» вокализмом.

Морфология чукотско-камчатских языков характеризуется высокой степенью агглютинации. Высоко развита инкорпорация именных основ в глагольный комплекс, а также, в некоторой степени, адъективных основ в именной комплекс [Муравьева 1990]. Языки обладают развитой падежной системой, причем склонение личных и неличных имен отчасти дифференцировано в два деклинационных типа. Падежное маркирование последовательно эргативно. Система личного согласования сложна и является результатом взаимодействия собственно лично-аргументной стратегии — в этом фрагменте она эргативна — и сложных «личных» иерархий, то есть иерархий, ориентированных на отношение участника к речевому акту (ср. различные подходы к описанию чукотско-камчатского спряжения в работах [Comrie 1980; Mel'čuk 1986; Кибрик 1997]).

3. Очерк структуры глагольной парадигмы

В чукотско-камчатских языках система финитных форм (т. е. тех форм, которые используются в глагольной группе главной клаузы и для которых эта функция является основной) включает два основных компонента, которые мы условно называем личными и адъективными формами глагола (ср. поли- и моноперсонное спряжение в терминах ЯиФА).

Адъективные формы дефолтно согласуются с именной группой в именительном падеже, т. е. именной группой, выражающей пациенс переходного глагола и единственный аргумент непереходного глагола. Однако при наличии специального префикса (чук. *ine-*, кор. *ine-*, ал. *ina-*)¹, а также (в чукотском языке) суффикса *-tku-*, появление которых обуславливается сложными личными иерархиями, согласование может контролироваться агентивной ИГ (см., например, Пупынина: 77), ср.:

(3) чукотский: пациентивное vs. агентивное согласование

nə-jʔo-qenat ~ *n-ena-jʔo-more*
 IPFV-догнать-IPFV.3PL ~ IPFV-INV-догнать-1PL
 ‘мы догоняем их’ ~ ‘мы догоняем тебя’

Отметим также, что использование этих показателей — одна из немногих морфологических возможностей, общих для адъективных и личных глагольных форм.

Для форм, которые мы называем адъективными, финитная позиция является основной или единственно возможной. В отличие от обнаруживаемых в некоторых языках «транспозиционных» финитных употреблений причастий в финитной позиции, имеющих особые функции (эвиденциальные, оптативные и проч.), в чукотско-камчатских языках адъективные формы являются базовыми средствами выражения некоторых центральных видовременных значений.

(4) алюторский: адъективная форма в функции аориста (в нарративе)

titaqa qutkin/n'aqu-nak maŋkiʔana ya-laʔu-lin
 однажды Куткиннюку-ERG.SG где-то PF-видеть-3SG.PF
ənnə-ʔən.
 рыба-NOM.SG
 ‘Однажды Куткиннюку где-то увидел рыбу’ [ЯиФА Т1:2].

В настоящей статье внимание сосредоточено на аспектуальных характеристиках именно этих двух серий форм — личных и

¹ В ЯиФА этот префикс трактуется как показатель антипассива в адъективных, но как показатель первого лица пациенса в личных глагольных формах; в некоторых описаниях чукотского он трактуется как показатель инверсивного согласования.

адъективных. Подчеркнем, что эта терминология носит сугубо формальный характер и не связана напрямую с финитностью этих форм.

Личные и адъективные формы образуют своего рода таблицу, от которой удобно отталкиваться при описании и межъязыковом сравнении их функций. Таблица приведена на следующей странице (Таблица 1); формы в ней названы терминами, принятыми для них в существующих описаниях видовременной системы чукотского [Недялков и др. 1983], алюторского [ЯиФА] и корякского [Жукова 1972] языков. Приведены показатели третьего лица (дефис указывает на позицию глагольной основы, то есть эти показатели являются циркумфиксальными).

Как видно из Таблицы 1, за исключением дополнительной категории, добавляемой корякским, системы трех языков структурно изоморфны. Тем не менее, формы, соответствующие друг другу в разных языках, хотя и близки функционально, отнюдь не идентичны. Главная задача настоящей статьи — функциональное сопоставление тех клеток Таблицы 1, между которыми установлено структурное соответствие. Заметим, что сама структурная изоморфность также относительна — частотный чукотский «имперфект» соотносится с редкой в текстах формой отглагольного прилагательного в алюторском и корякском (та же форма вполне продуктивна в сочетании с названиями свойств и качеств, то есть в собственно адъективных употреблениях).

В зоне наклонений различаются индикатив и несколько косвенных наклонений (к которым, как мы покажем ниже, принадлежат и формы с референцией к будущему). Индикатив немаркирован — индикативная глагольная словоформа содержит лишь лично-числовые и видовременные показатели. Во всех трех языках представлен когнатный имперфективный суффикс, впрочем, по-разному распределенный в модально-временной глагольной парадигме. Формы косвенных наклонений содержат специальные префиксальные или циркумфиксальные показатели и/или особые лично-числовые аффиксы.

В качестве наглядной иллюстрации приведем структурную модель алюторской модально-аспектуальной парадигмы в том виде, как она представлена в ЯиФА. Здесь выделяется четыре наклонения, каждое из которых сочетается с немаркированной имперфективной и несущей специальный суффикс имперфективной основой (см. таблицу 2).

Таблица 1

**Традиционные термины, обозначающие
основные элементы глагольной системы индикатива**

чукотский		алюторский		корякский	
ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ	ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ	ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ
«аорист» [ø]	«перфект» <i>ye-lin</i>	«перфективная основа» [ø]	«результатив» <i>ya-lin</i>	«прошедшее I» [ø]	«прошедшее II неочевидное» <i>ya-lin</i>
«презенс- прогрессив» <i>-rkən</i>	«имперфект» <i>nə-qin</i>	«имперфективная основа» <i>-tkən</i>	отглагольное прилагательное <i>nə-qin</i>	«настоящее» <i>k-ŋ</i> (<i>-jkən</i> — «будущее II пробле- матичное» и «проблематичные» формы косвенных наклонений)	«прилагательное» <i>nə-qin</i>

Таблица 2

Модель структуры парадигмы алюторского глагола согласно ЯиФА

IPF IND	IPF POT	IPF OPT	IPF CONJ
PF IND	PF POT	PF OPT	PF CONJ

С функциональной точки зрения схема, представленная в Таблице 2, является упрощением в том же смысле, в каком им является Таблица 1. Корректно исчисляя словоизменительные возможности глагола, она не учитывает достаточно сложных связей между модальными, темпоральными и видовыми характеристиками глагольных форм. Поскольку система косвенных наклонений существенна для понимания некоторых черт аспектуальной системы чукотско-камчатских языков, кратко рассмотрим эти связи.

Начнем с того, что в текстах ЯиФА большинство форм «потенциалиса» употребляются в значении будущего времени. Ср. об этом также [ЯиФА: 233]; термин «потенциалис» употребляется авторами грамматики для того, чтобы вывести эту форму за пределы чисто временного противопоставления и поместить ее в зону наклонения. Однако функциональный центр тяжести этой категории лежит явно не в зоне модальности, а в зоне темпоральной характеристики действия (в [Мальцева 1998] эта категория так и называется — будущим временем, равно как и когнатные показатели *jel/ja-ŋ* в корякском и *re/ra-(ŋ)* в чукотском). Мы будем интерпретировать соответствующую грамему как показатель будущего времени. Во всех трех языках эта категория омонимична категории «дезидератива» — формы, в основном употребляемой в конструкциях желания (в форме несогласуемого предикатного слова), в конструкциях можествования и в фазовых конструкциях (в форме инфинитива с глаголами возможности и глаголом ‘начинать’). Синхронно эти категории, по-видимому, разделились: в чукотском они формально совпадают только во втором и третьем лицах множественного числа, а в алюторском и корякском языке сочетаются в рамках одной словоформы. Ср. [ЯиФА: 222, прим. 126] и следующий пример:

(5) корякский:

<i>uajmat</i>	<i>əŋno</i>	<i>je-je-nʔel-ŋ-əŋ</i>
может.быть	он.NOM.SG	FUT-DESID-стать-DESID-FUT
<i>tinenmesʔəŋəsʔi-ʔu.</i>		

врач-EQUAT

‘Может быть он и захочет стать врачом’ [Жукова 1972: 221].

Форма дезидератива, с одной стороны, связывает будущее время с зоной модальности, но, с другой стороны, возможно уводит его, по крайней мере исторически, за рамки личных глагольных категорий, так как выражение видовременных и модальных

категорий в чукотско-камчатских языках несовместимо с категориями инфинитива и отглагольного предикатива. Иными словами, возможный сценарий, соответствующий в том числе общим представлениям о путях грамматикализации будущего времени, заключается в том, что показатель дезидератива вовлекался в гравитационное поле системы модальности, постепенно оформляясь как основное средство выражения будущего времени.

Интерпретация оптатива вызывает сомнения не только с функциональной, но и с формальной точки зрения. Сам термин «оптатив» в этом случае является нововведением ЯиФА (в [Муравьева 1990] это все еще императив) и отражает точку зрения авторов грамматики, согласно которой императив не может существовать во всех трех лицах (вопреки точке зрения, выраженной в таких исследованиях по типологии императива, как [Храковский, Володин 1986] или [Auwera et al. 2005]). Именно поэтому авторы алуторской грамматики называют императив, который является основной формой побуждения ко второму лицу, оптативом, а императивом — относительно периферийную форму¹, действительно ограниченную побуждением ко второму лицу, но лежащую вне системы личного спряжения (ее согласовательные возможности ограничены, см. [ЯиФА: 223]).

Однако категория, называемая оптативом в ЯиФА и императивом в других описаниях (например, [Володин 1992]), на наш взгляд, вообще является не морфологически однородным наклонением, а набором морфологически разнородных форм, где выделяются как минимум формы второго и невторого лица, т. е. различаются собственно императив и гортатив-юссив ([Auwera et al. 2005; Плунгян 2011]; впрочем, морфологическая однородность форм первого и третьего лица тоже вызывает сомнения). Эта формальная неоднородность — состоящая в том, что императив является единственным наклонением, которое во втором лице использует специализированный префикс — отмечается в некоторых работах, например, в [Мальцева 1998: 28; Dunn 1999], в том числе и в таких, которые поддерживают его расширительную, «гомогенную» интерпретацию (ср. [Муравьева 1990]).

Формальное разведение «императива» второго и невторого лица поддержано функционально, даже если оставить в стороне

¹ В примерах глоссируется IMP1.

различия в семантике собственно побудительности ко второму и невторому лицу, обсуждаемые всеми авторами. Так, ЯиФА, отстаивая неимперативность категории, подчеркивает в том числе существование отчетливо непобудительных контекстов: ср., например, для третьего лица (6), а также обсуждение других примеров [ЯиФА: 233–236]. Мальцева [1998: 29] указывает на сближение форм первого лица с формами намерения; эти же формы чукотская грамматика [Dunn 1999] называет *intentional*, а в терминах типологического инвентаря [Плунгян 2011] они могут быть отнесены к категории гортатива. Собственно, любое волитивное значение первого лица может быть интерпретировано как будущее время с модальным компонентом, но, как показывают примеры (7–9), этот компонент может быть как более, так и менее отчетливым:

- (6) алюторский: «императив» третьего лица (гипотетический)

aktəka əmqə-nin piŋinaŋ
 невозможно Ымка-POSS.SG Пингинанг.NOM.SG
nə-weŋə-n, aqan tiita awəŋ ta-ŋlatə-tkən.
JUSS-гаснуть-3SG хоть когда уже FUT-гореть-IPFV
 ‘«Невозможно, чтобы Ымкин Пингинанг погас, всегда будет гореть»’ [ЯиФА T21:87].

- (7) алюторский: 1-е лицо с сильным модальным оттенком

tōk, miti in'as mən-in-mək pentəvəŋə-k...
 ладно Мити хватит **HORT.1NSG-быть-1NSG** бороться-INF
 ‘Ладно, Мити, не будем больше драться’ [ЯиФА T2:36].

- (8) алюторский: 1-е лицо с ослабленным модальным компонентом (~будущее время)

q-in-imi-yi
 IMP-1SG.O-везти.на.спине-IMP
mə-val'u-sqi ʕətʕəjula-ŋ.
HORT.1SG-питаться.жиром.нерпы-ANDAT далекое.место-DAT
 ‘«Отвези меня на спине, я поеду далеко, буду есть нерпачий жир»’ [ЯиФА T4:6].

- (9) чукотский: 1-е лицо с ослабленным модальным компонентом (~будущее время)

...jureq mə-lʔu-ʔe-n miŋkə...
 ...может.быть **OPT.1SG-видеть-TH-3SG.O** где.то
 ‘Может быть, я ее увижу где-нибудь’ [Dunn 1999: 188].

Последнее наклонение, алюторский «конъюнктив», обнаруживает черты морфологического сходства с «оптативом»/«императивом» невторого лица (личные префиксы) и по спектру своих употреблений типологически близок к категории оптатива (ср. примеры [ЯиФА: 236–238]).

Вернемся теперь к алюторскому «потенциалису». Мы уже высказали мнение, согласно которому основным значением этой категории является значение будущего времени. Тем не менее вероятное происхождение этой категории из зоны волиитивной модальности (омонимия с категорией «дезидератива», модальное будущее), а также общее представление о грамматикализации будущего времени в языках мира возвращает нас к интерпретации, предлагаемой ЯиФа — именно, к противопоставлению категорий реализа (индикатив небудущего времени) и ирреализа (будущее время, императив, гортатив и конъюнктив). По сути, именно со ссылкой на реальность ситуации ЯиФА как раз и толкует категорию потенциалиса [ЯиФА: 233].

Такое противопоставление поддерживается формальными свойствами реальных и ирреальных форм. Во-первых, ирреальные показатели в личных формах содержат префиксальный компонент, который отсутствует в реальных личных формах (единственным исключением является корякская форма имперфектива реализа *k-ŋ*, которая, по-видимому, является инновацией). Во-вторых, что существенно для нас, они по-разному сочетаются с категорией имперфектива, хотя эта сочетаемость и устроена в чукотском и алюторском языках, с одной стороны, и в корякском языке, с другой стороны, различно и даже отчасти противоположно.

Действительно, рассмотрим другое измерение этой системы, а именно предлагаемое в ЯиФА противопоставление перфективной и имперфективной основ. Показатель имперфектива в алюторских текстах очень редко употребляется с неиндикативными формами (около 30 вхождений на весь корпус), что уже затрудняет его признание полноправной деривационной основой. Та же тенденция верна и для чукотского языка: согласно подсчетам, приведенным в [Недялков и др. 1984: 203], соотношение имперфективных и немаркированных форм в косвенных наклонениях составляет примерно один к девяти. В то же время немаркированная основа, которой ЯиФА приписывает значение перфектив-

ности, употребляется, например, в проспективных контекстах, т. е. для передачи смысла, типологически принадлежащего скорее имперфективному кластеру; дополнительные примеры на частичную нейтрализацию противопоставления по виду в ирреалисе см. ниже (53 и далее).

Еще более явно формы реалиса и ирреалиса противопоставлены в корякском языке. Показатель имперфектива *-jkə(n)* употребляется редко, но, в отличие от чукотского и алюторского, он никогда не сочетается с формами небудущего времени (формами реалиса). В корякском реалисе имперфективные значения выражаются другой деривацией от исходной, немаркированной основы (собственно корякский циркумфикс имперфекта индикатива *k-ŋ*), а имперфективный показатель *-jkə(n)* ограничен формами ирреалиса. Однако и в корякском языке формы ирреалиса редко содержат этот показатель, а немаркированная основа может использоваться в имперфективных контекстах. Ниже мы обсуждаем такие контексты подробнее.

В чукотской грамматике [Dunn 1999] чистую основу предлагается считать аспектуально нейтральной. Действительно, странно утверждать, что основа глаголов, обозначающих состояния или неопредельные процессы, несет значение перфективности. Исходная основа немаркирована с точки зрения аспекта точно так же, как она немаркирована с точки зрения темпоральной референции и модальности. Модальное, темпоральное и аспектуальное значение определяется присоединяемыми к ней показателями — показателем будущего времени, показателями побудительности, показателем имперфектива и т. п. В отсутствие аффиксальной спецификации основа получает дефолтное значение: модальное значение индикатива, темпоральное значение небудущего времени и аспектуальное значение перфективного типа — т. е. в целом аориста индикатива. При взаимодействии с показателями ирреалиса эта дефолтность снимается — немаркированная основа может выступать в отчетливо имперфективных контекстах. Нейтрализация или семантическая модификация контраста между перфективностью и имперфективностью в ирреалисе типологически ожидаема (см. [Auwera, Miestamo 2011] об аспекте в отрицательных формах, [Auwera, Malchukov, Schalley 2009] об аспекте в императивных формах).

Косвенно такая интерпретация поддерживается наличием специализированных перфективных лично-числовых показателей.

Действительно, до сих пор мы описывали чукотско-камчатский глагол так, как если бы набор лично-числовых показателей никак не зависел от наличия или отсутствия показателя имперфектива. На самом деле это не так. В некоторых чукотских перфективных формах (во втором лице единственного числа и в третьем лице обязательно, в первом лице единственного числа факультативно) появляется специальный показатель $-y\gamma i/-y\gamma e/-y\gamma a$. Вероятно, с ним связан этимологически алюторский показатель третьего лица двойственного числа $-y\gamma r(-\acute{a}t)$ в перфективных формах непереходных глаголов. Похожая не вполне последовательная асимметрия обнаруживается и в корякской парадигме лично-числового согласования. Другие элементы имперфективно-перфективной асимметрии (например, в алюторском: $-k$ в первом и $-j$ во втором и третьем лице единственного числа перфективных форм непереходных глаголов, $-m\acute{a}k$ в первом лице неединственного числа) могут быть мотивированы формально, а в некоторых случаях (как $-m\acute{a}k$) не являются обязательными.

Впрочем, вопрос о том, можно ли считать такие асимметричные показатели, не сочетающиеся с суффиксом имперфектива, сами по себе носителями перфективного значения, или следует на этом основании все-таки приписывать перфективность самой исходной основе, остается неясным и требует дополнительного сопоставительного исследования системы личного согласования.

4. Аспектуальная характеристика основных глагольных форм

Теперь дадим аспектуальную характеристику ядру глагольных парадигм трех языков, последовательно сравнивая функциональное содержание каждой из клеток Таблицы 1 в трех языках: аспектуальные характеристики личной перфективной, личной имперфективной, адъективной перфективной и адъективной имперфективной форм глагола. При этом мы будем рассматривать в основном формы индикатива, где аспектуальные противопоставления представлены в наиболее явном виде; к аспектуальным противопоставлениям в ирреальных формах чукотско-камчатских

языков мы обратимся при обсуждении корякской личной имперфективной формы. В конце раздела рассматриваются аспектуальные характеристики глагольного предикатива.

Личная перфективная форма

(немаркированная основа — чук. «аорист», ал. «перфективная основа», кор. «прошедшее I»)

Эта форма содержит чистую основу, которая, как мы считаем (см. выше) сама по себе не охарактеризована по времени, аспекту и модальности. Вне контекста показателей, выражающих маркированные значения этих категорий — показателя имперфектива и одного из показателей ирреалиса (т. е. показателя косвенной модальности или будущего времени), форма получает дефолтную интерпретацию — перфективной индикативной формы, которая оказывается естественно соотнесена с планом прошедшего. Результирующее значение — форма аориста, с типичным для выражающей перфективный кластер формы набором аспектуальных значений: как центральные для перфектива комплетив и пунктив, так и, насколько можно судить по относительно редким примерам, лимитатив.

(10) чукотский: комплетив (пределный процесс)

Nunʔemun, Əqqəni, Janraŋaj

Нунямо Аккани Янранай

na-n-jaŋʔət-at-juu-nat

ʔʔora-ytə

INV-CAUS-кочевать-CAUS-PLUR.S-3PL.AOR Лорино-ALL

‘(Людей из) Нунямо, Аккани, Янраная попереселяли в Лорино’ (т).

(11) алюторский: комплетив (пределный процесс)

tūtav-nin

kuka-jərʔə-n

варить-3SG/3SG.P.AOR горшок-содержимое-NOM.SG

to jəpa-nin.

и снять-3SG/3SG.P.AOR

[Старуха схватила лисичку, принесла домой, разделала и стала варить] ‘Сварила целый горшок и сняла’ (с огня) [ЯиФА Т11:6].

(12) корякский: комплетив

jajaŋa

otav-e.

jənyə-kukejv-i

дом.NOM.SG согреться-3SG.AOR быстро-варить-3SG.AOR

- to ena-ŋvo-j* *jewjetə-k.*
и LOW.A-начать-1SG.P.AOR кормить-INF
[Дома бабушка Экэк быстро затопила печку.] ‘Жилье согрелось. Она быстро сварила еду и стала меня кормить’
[Жукова 1988 Т3: 40, 41].
- (13) чукотский: пунктив
luut ənqen jəto-nen s'ianla-s'əko-jpə
вдруг DEICT достать-3SG.P.AOR ящик-IN-ABL
lele-lyən=əm
рукавица-NOM.SG=EMPH
‘Вдруг достал он из ящика рукавицу’ (Т).
- (14) алюторский: пунктив
kətawət t-aratə-k ujatik-kin-eγəm
вдруг 1SG-упасть-1SG.AOR сани-REL-1SG
to əlləγ-a allə a-valum-ka.
и отец-ERG не PRED-слышать-PRED
‘Вдруг я упала с саней, а отец не услышал этого’ [ЯиФА Т37:9].
- (15) корякский: пунктив
ŋanko mal'ajat-i pətqet-i təqle-k
оттуда падать-3SG.AOR удариться-3SG.AOR тополь-LOC
γa-jqəwǰops'a-ta to γənonγəpə-ŋ s'imat-i
COMIT-свист-COMIT и пополам-ADV сломаться-3SG.AOR
uttəut təqlen.
дерево.NOM.SG тополь.NOM.SG
‘Оттуда упал, ударился о тополь со свистом, и пополам сломалось дерево, тополь’ [Жукова 1988 Т7:67].
- (16) корякский: пунктив
jəny-ekmi-nin kamins'əku-kin
быстро.взять-3SG/3SG.P.AOR печка-REL.3SG
jən'n'ən.
горячий.уголек.NOM.SG
‘Выхватила из печки горячий уголек’ [Жукова 1988 Т3:49].
- (17) чукотский: лимитатив (непределный процесс)
jara-k pəkirə-k wəlwəlewət jəlqet-γʔi
дом-LOC прийти-CVB Вэльвылевыт спать-3SG.AOR

nəroq əloŋe-t ənŋataɫ ʏe-peŋʔiwet-lin
три день-NOM.PL сильно PF-устать-3SG.PF
‘Домой придя, Вэлвылевыт проспал три дня, так устал’
[Недялков 1984: 206].

(18) алюторский: лимитатив (непредельный процесс)

nuraq tə-taliʔuŋə-n kərvat-ʏiŋ-ki,
долго 1SG.A-искать-3SG.P.AOR кровать-IN-LOC
ʕoptamaŋki tə-ŋvu-n taliʔuŋə-k
езде 1SG-начинать-3SG.P искать-INF
əŋŋin ŋiŋŋə-n.
тот.3SG хвост-NOM.SG
‘Долго искала в кровати, начала всюду искать этот хвост’
[ЯиФА Т35:6].

(19) корякский: лимитатив (непредельный процесс)

juleq ʔetənvəlʔ-o el-la-j
долго хозяин-NOM.PL быть-PLUR-3PL.AOR
taʏəjneŋənvə-k.
место.охоты-LOC
‘Долго хозяева были на охоте’ [Жукова 1988 Т14:3].

Несколько сложнее обстоит дело с инцептивом. В текстах находятся примеры на инцептивное значение, более или менее спорные:

(20) чукотский: инцептив

ʔorawetʔa-n jətqet-ʏʔi.
человек-NOM.SG спать-AOR.3SG
‘Человек заснул’. (Назавтра, рано проснувшись, человек посмотрел, увидел он многочисленное стадо.) [Ятгыргын 1969: 48].

(21) чукотский: инцептив

«eʏe, qoro ʏənin ʏərep»
INTJ давай твой песня.NOM.SG
ik-wʔi roɫtəʏəʏəp əŋkʔam tipʔejŋet-ʏʔi
говорить-AOR.3SG Рольтыгыргын и петь-AOR.3SG
‘«Хорошо, давай твою песню», — сказал Рольтыгыргын и запел’ [Недялков 1984: 206].

(22) алюторский: инцептив

mal-tapisyәŋ-i, vetya әnno jәsqәnp-i.

INTS-есть-3SG.AOR сразу он.NOM **крепко.спать-3SG.AOR**
‘Хорошо поел и сразу заснул’ [ЯиФА Т2:14].

(23) корякский: инцептив

kaҕәnkan jatan tejjat-e.

Кагынкан.NOM.SG только **плакать-3SG.AOR**

‘Кагынкан только заплакал’ [Жукова 1988 Т12:184].

Однако в целом инцептивное значение перфектива кажется более периферийным; инцептивные примеры на перфектив встречаются редко, обычно их трудно однозначно интерпретировать, исходя из контекста. Значение инцептива имеет особое, менее грамматикализованное выражение — сочетание с глаголом ‘начинать’ (независимым или инкорпорированным).

Многочкратная ситуация в прошлом также выражается личной перфективной формой.

(24) корякский: многократность в прошлом

emjyt jatan mil.vitat-e,

неоднократно только **подельывать-2SG.AOR**

emjyt ne-ntinmet-yi.

неоднократно **LOW.A-обманывать-2SG.P.AOR**

‘Сколько раз ты бывал, столько раз тебя они обманывали’.
[Жукова 1988 Т17:41].

(25) алюторский: многократность в прошлом

wutinyivi mur-yina-w pastuqa-w to anapketә-kina-w

этот.год мы-REL-PL пастух-NOM.PL и Анапка-REL-3PL

ayi sitasil-la-t.

очень **устраивать.гонки-PLUR-3PL.AOR**

‘В этом году наши и анапкинские пастухи устраивали много гонок’ [ЯиФА Т40:1].

(26) алюторский: многократность в прошлом

«intә?aqun, tur-ī җәрасаҗ yәm-nan

правда ты-NOM.DU четыре.раза я-ERG

tә-la?u-tәk jәlqә-l?ә-turi, to asyi

1SG.A-видеть-2NSG.P.AOR спать-ATR-2DU и теперь

sama tur-i ivә-tkәni-tәk allә

правда ты-NOM.DU говорить-IPFV-2NSG не

ənkətəŋ a-junat-ka».

так PRED-жить-PRED

‘«Правда, что я видел вас спящих вместе четыре раза, а теперь вы говорите, что не сожительствовали»’ [ЯиФА Т30:36].

Это значение отличается от описания регулярного, обычного события — см. ниже о хабитуальных употреблениях имперфектива, в том числе в сочетании с наречными значениями вроде ‘несколько раз’.

Личная имперфективная форма

чук. «презентс-прогрессив», суф. *-rkə(n)*,

ал. «имперфективная основа», суф. *-tkə(n)*,

кор. «будущее II проблематичное», суф. *-jkən* / «настоящее» *k-ŋ*

Эта клетка Таблицы 1 демонстрирует наибольшие функциональные расхождения между тремя языками.

Алюторская форма с суффиксом *-tkən* является типичным представителем типологического кластера имперфектива. Она имеет характерные для этого кластера значения: дуратив (здесь и ниже под дуративом мы имеем в виду совокупно статальный дуратив у глаголов класса состояний и значение прогрессива у глаголов класса процессов) и хабитуалис.

(27) алюторский: дуратив (состояние)

kətawət ʁa-ʁita-lin: tinyaʔana itqilyərratə-tku-tkən.

вдруг PF-смотреть-3SG.PF что.то **сверкать-ITER-IPFV**
‘Вдруг посмотрел: что-то сверкает (сверкало)’ [ЯиФА Т1:5].

(28) алюторский: дуратив (состояние)

ənək-təlyə-k vasqin ənnə-ʔən iljiqatə-tkən

его-палец-LOC другой.3SG рыба-NOM.SG **висеть-IPFV**
‘У него на пальце висит (висела) рыба’ [ЯиФА Т1:10].

(29) алюторский: дуратив (непредельный процесс)

qutkinʔnʔaqui aruŋ-ki levə-tku-tkən.

Куткиннику берег-LOC **ходить-ITER-IPFV**

(Однажды) ‘Куткиннику гулял по берегу’ [ЯиФА Т4:1].

(30) алюторский: дуратив (состояние)

titkəmsəsʔə-n, ʃanəkana itə-tkən əqqaməl,

Титкемсесен-NOM.SG там **быть-IPFV** колодец

q-etə-yən   *miməl.*
 IMP-принести-IMP.3P вода
 ‘Титкемсесен, там где-то есть колодец, принеси воды’
 [ЯиФА Т7:29].

(31) алюторский: прогрессив (пределный процесс)

yəm-nan, əmata, tə-tyə-tkəni-yət.
 я-ERG   мама.NOM.SG   1SG.A-копать-IPFV-2SG.P
 ‘Мам, (это) я тебя копаю {выкапываю}’ [ЯиФА Т5:11].

Как видно из приведенных примеров, в алюторском языке показатель имперфектива не содержит указания на временную соотносительность формы — форма, содержащая показатель имперфектива, может относиться как к прошедшему, так и к настоящему. Примеры (27) и (28), хотя и переведены в русском тексте сказок настоящим временем, относятся к плану прошедшего.

Имперфектив также встречается и в ирреальных формах, но очень редко.

(32) алюторский: имперфективное будущее

tur-u   *t-iv-la-tkəni-tək*   ‘*prusususu*’,
 ты-NOM.PL   FUT-говорить-PLUR-IPFV-2NSG   прусусусу
yəm-nan sisisʔə-n   *tə-ta-nʼnʼisusavə-tkə-n.*
 я-ERG   Сисисен-NOM.SG   1SG.A-FUT-объяснять-IPFV-3SG.P
 ‘Вы будете говорить «прусусусу», а я переводить {объяснять} Сисисен’ [ЯиФА Т10:40].

(33) алюторский: имперфективный императив

qə-valʼu-sqivə-tkəni-yi.
 IMP-питаться.жиром.нерпы-ANDAT-IPFV-IMP
 ‘Иди ешь нерпячий жир’ [ЯиФА Т4:14].

(34) алюторский: имперфективный конъюнктив

anʼməʔak   *mən-ʔə-tur-ʔoji-la-tkət,*
 хоть   1NSG-CONJ-свежий-питаться-PLUR-IPFV.3NSG
yemat   *əlwa-yili-tkən.*
 может   дикий.олень-охотиться-IPFV
 ‘Поесть бы нам свежатины, может, он поохотится на олень?’ [ЯиФА Т8:6].

При этом, как уже было сказано выше, отсутствие имперфективного суффикса в ирреалисе не выражает перфективного значения.

В сочетании с точечными и вообще событийными предикатами форма имперфектива обычно выражает хабитуальность. В плане прошедшего и настоящего эти значения также не разведены морфологически.

(35) алюторский: актуальная хабитуальность

ənnani janutə-tkə sanva, məri

всегда **быть.первым-IPFV** Санва потому.что

ənina-w n-eqə-laŋ qura-wwi.

его-3PL ADJ-быстрый-ADJ.3PL олень-NOM.PL

‘В гонках всегда побеждает Санва, потому что у него быстрые олени’ [ЯиФА Т40:3].

(36) алюторский: актуальная хабитуальность

maŋin'as murɣina-w pastuqa-w

когда наш-3PL пастух-NOM.PL

ŋəvu-la-tkət ʕita-sitə-k

начинать-PLUR-IPFV.3NSG устраивать.гонки-ITER-INF

murə-kki to ŋəta-tkən sanva.

мы-LOC и **приходить-IPFV** Санва

‘Когда наши пастухи начинают устраивать гонки, приезжает Санва’ [ЯиФА Т40:5].

(37) алюторский: актуальная (или обобщенная) хабитуальность

to ənŋina-wwi kəs-sulatə-lʔ-wwi aŋe

и этот-3PL сильный-соль-ATR-NOM.PL очень

a-ktə-ka-wwi, mətə-svi-tku-tkə-nawwi

PRED-сильный-PRED-3PL 1NSG.A-разрезать-ITER-IPFV-3PL.P

ləqlaŋ-ki, mət-nəm'əŋtuvə-tkə-na(wwi), amŋusaŋ

зима-LOC 1NSG.A-вымачивать-IPFV-3PL.P несколько.раз

mət-implə-prə-tkə-nawwi, qinaq nuŋə-m'ə-ta

1NSG.A-вода-удалять-IPFV-3PL.P чтобы NEG-соленый-CVB

n-itə-tkə-nawwi, qel'əm allə a-m'ə-ka-wwi.

JUSS.3-AUX-IPFV-3PL поэтому нет PRED-соленый-PRED-3PL

‘Эта сильносоленая (рыба) очень крепкая; зимой мы режем ее, вымачиваем, несколько раз меняем воду, чтобы она была не такая соленая. Поэтому она не слишком соленая’ [ЯиФА Т33:30].

- (38) алюторский: хабиитуальность в плане прошедшего
yəmnina-t un'un'upili tə-lla-tkə-na jas'li.
 мой-3DU ребенок 1SG.A-брать-IPFV-3PL.P ясли
tə-pliətku-tkə-n vitatə-k,
 1SG-кончать-IPFV-3SG.P работать-INF
tə-nretatə-tkə-na.
 1SG.A-приводить.домой-IPFV-3PL.P
 [Из рассказа о молодости] ‘Своих детей я отводила в ясли.
 Заканчивала работать, приводила их домой’ [ЯиФА Т33:12–13].
- (39) алюторский: хабиитуальность в плане прошедшего
wasaq yamyə-ŋalvəlʔə-k mət-itə-lqivə-tkən
 иногда каждый-табун-LOC 1NSG-быть-ANDAT-IPFV
mur-ī ya-qlavul-a.
 мы-NOM.DU COMIT-муж-COMIT
 ‘Иногда мы с мужем ходили в разные табуны’ {= бывали в
 разных табунах} [ЯиФА Т32:21].
- Многократное действие в прошлом может выражаться как личной перфективной формой (аористом, обязательно соотносящим ситуацию с планом прошедшего), так и личной имперфективной формой (нейтральной в отношении временной референции). В (40) форму аориста вероятно следует интерпретировать как *серию независимых последовательных событий*, а форму имперфектива — как *правило* или *обычное следствие* таких событий:
- (40) алюторский: многократное событие vs. хабитуалис
ŋənvəssaŋ yəmmə tə-walqivə-lqivə-k to
 несколько.раз я.NOM 1SG-убегать-ANDAT-1SG.AOR и
numal na-lla-tkəni-yəm səkola-ŋ.
 снова LOW.A-приводить-IPFV-1SG.P школа-DAT
 ‘Несколько раз убегала — меня всякий раз приводили в школу’ [ЯиФА Т37:5].
- (41) алюторский: многократность в прошлом
to miti-nak ya-tekə-lin kukjulyə-n
 а Мити-ERG.SG PF-делать-3SG.PF дыра-NOM.SG
rattu-yiŋ-ki, teləŋ təry-uwwi tarassitə-tkə-ninaw.
 пазуха-IN-LOC там мясо-NOM.PL бросать-IPFV-3SG/3PL
 ‘А Мити сделала дыру за пазухой, туда бросает куски мяса’
 [ЯиФА Т6:38].

Некоторые употребления имперфектива в текстах не поддаются однозначной интерпретации — возможно, речь идет о специальной нарративной функции, аналоге *praesens historicum*.

(42) алюторский: «снятая» имперфективность

na-qamitva-tkə-n

LOW.A-накрывать.на.стол-IPFV-3SG.P

na-nawəjatə-tkə-n, *a-pʕa-ka*

LOW.A-кормить-IPFV-3SG.P PRED-жаждать-PRED

oji-ʕanqavə-tkən.

есть-прекращать-IPFV

[Краб вылез на сушу. Ну что ж, Куткиннюку в том открытом море утонул. Пришел к людям, которые там жили: дай-те мне жиру поесть] ‘Накрывают ему на стол, кормят его; испытывая жажду, он перестает есть’ [ЯиФА Т4:20].

Основным функциональным отличием чукотской личной имперфективной формы на *-rkən* является то, что для нее нехарактерна референция к прошлому (ср. ниже употребления адъективной имперфективной формы). Как и алюторский имперфективный показатель, в формах ирреалиса, в том числе в формах будущего времени, чукотский *-rkən* используется относительно редко; тем самым этот показатель чаще всего соотносит форму с настоящим временем. Это позволяет говорить о его постепенной спецификации в показатель настоящего времени. Чукотская личная имперфективная форма, таким образом, является презенсом, сочетается с процессами и ситуациями и выражает, соответственно, прогрессивные и дуративные значения.

(43) чукотский: прогрессив (непредельный процесс)

reqə-rkən, *wəje-rkən?*

что.делать-IPFV шить-IPFV

‘Что делаешь, шьешь?’ (а).

(44) чукотский: дуратив (состояние)

— *əʔmto yənin tənʕə-ʕən tʔət-ʕala-ʕʔe?*

ну твой рука-NOM.SG болеть-перестать-AOR.3SG

— *wəne, ranəna pəytə-rkən.*

PART все.еще **Н**ЫТЬ-IPFV

‘Ну что, рука болеть перестала? Куда там, все еще ноет’ (а).

(45) чукотский: дуратив (состояние)

ałlon nə-simʷʷu-qin: “*Etaanə oʔrawetłʷa-t*
 он.NOM IPFV-думать-3SG наверное человек-NOM.PL
ełwe-nute-kine-t jet-ʷʷe-t ənkʷam
 другой-земля-REL-PL прийти-AOR-3PL и
paŋʷewʷato-rkən.

отдыхать-IPFV

‘Он думал: Наверное, люди с другой земли пришли и отдыхают’ [Ятгыргын 1963: 8].

Как и соответствующая алюторская форма, чукотская форма выражает habituальное значение, но также только в плане настоящего.

(46) чукотский: презентный habituалис

iaʔm qonpə jara-jpə ʷəntewə-rkən?
 почему всегда дом-ABL **убегать-IPFV**
 ‘Почему все время из дома убегаешь?’ (а).

(47) чукотский: презентный habituалис

sʷamqək təlyə-lʷetə-k ənsʷʷaʷə ʷaŋe-tko-rkən.
 кто-то оттепель-VBLZ-CVB ? **шить-ITER-IPFV**
 ‘Кто-то, когда оттепель, шьет иногда’ (т).

Наконец, в корякском языке имеется две личных имперфективных формы — показатель *-jkən*, исторически тождественный показателю презенса *-rkən* в чукотском и показателю имперфектива *-tkən* в алюторском, и циркумфиксальный показатель *k-ŋ*, отсутствующий в инвентаре личных форм родственных языков.

Показатель *-jkən* отличается от своих параллелей в двух других языках тем, что он возможен только в формах ирреалиса — в будущем времени и в формах косвенных наклонений. Таким образом, в корякском он является показателем имперфектива ирреалиса.

(48) корякский: ирреальный имперфектив (будущее время)

ja-valom-eke *qonpəŋ anpesʷejəkə-ŋ,*
FUT-слушаться-IPFV.IRR постоянно родитель-DAT
ŋano ne-je-llejvə-ʷi anotva-nvəŋ.
 тогда LOW.A-FUT-ходить-2SG.P летовать-SUP

‘Все время будешь слушаться родителей, тогда они возьмут тебя (с собой) на летник’ [Жукова 1972: 239].

- (49) корякский: ирреальный имперфектив (императив)
nə-tʃəm-ʔaw **qə-jejyus'ewŋ-iki**
ADV-старательно-ADV IMP-учиться-IPFV.IRR
'Старательно учись' [Жукова 1972: 242].
- (50) корякский: ирреальный имперфектив (юссив)
n-it-iki *yən'kakə-s'ʔenaŋ.*
JUSS-быть-IPFV.IRR ты-ADV
'Пусть будет по-твоему' [Жукова 1988 Т7:98].
- (51) корякский: ирреальный имперфектив (конъюнктив)
ŋeveq mus'ʃin n-ʔ-itva-n nə-mijku-qin
если наш.3SG 3-CONJ-быть-3SG ADJ-легкий-ADJ.3SG
maŋnitofon, mən-ʔə-kali-jkəni-nav
магнитофон 1NSG.A-CONJ-записывать-IPFV.IRR-3PL.P
to tələ-k mən-ʔə-ŋvo-jkəne-naw
и подъехать-CONV 1NSG.A-CONJ-начать-IPFV.IRR-3PL.P
jə.palomtel.avə-k.
слушать-INF
'Если бы у нас был легкий магнитофон, мы записывали бы
говорящие письма, а приехав, стали бы давать их прослу-
шивать' [Жукова 1972: 247].
- (52) корякский: ирреальный имперфектив, конъюнктив
tə-ko-ʃajmatə-ŋ, tit ŋano ʃatʃa.jaja-k ʃətə-k
1SG-IPFV-хотеть-IPFV чтобы это каждый.дом-LOC я-LOC
vajatə-k ənnenu nə-ʔə-ŋlet-iki milyən
народ-LOC всегда 3-CONJ-гореть-IPFV.IRR огонь.NOM.SG
to n-ʔ-it-iki kinuŋi.
и 3-CONJ-быть-IPFV.IRR мясо.NOM.SG
'Я хочу, чтобы в каждом доме у моего народа все время го-
рел бы огонь и варилось бы мясо (букв.: было бы мясо)'
[Жукова 1988 Т7:95].

Во всех трех языках, в том числе и в корякском, форма имперфектива в ирреалисе употребляется редко. Встречаются имперфективные ирреальные контексты, в которых показатель имперфектива тем не менее не употребляется.

- (53) алюторский
wasaq aktəka mənə-ŋtulʔal-la-mək
иногда невозможно 1NSG.HORT-выйти-PLUR-1NSG

məri ayiyatka wəjalatə-lqivə-tkən.
 потому.что очень пуржить-ANDAT-IPFV
 ‘Иной раз не можем выйти, потому что сильно пуржит’
 [ЯиФА Т38:2].

- (54) алюторский: ожидается дуративность
tinya aktəka asyi mən-vital-la,
 ну нельзя теперь 1NSG.HORT-работать-PLUR
japlu liŋlij vannatə-tkən.
 хотя сердце.NOM.SG завидовать-IPFV
 ‘Так что теперь не можем мы работать, хотя сердце и завидует’ [ЯиФА Т34:6].

Впрочем, следует заметить, что противопоставление перфективности и имперфективности в ирреальных контекстах вообще проблематично: завершенность или незавершенность будущей или желательной, еще не начавшей осуществляться ситуации, редко находится в фокусе внимания, говорящий просто сообщает, что она может иметь место в будущем:

- (55) чукотский
muri nə-r-ʔejnelʔe-ŋə-mək
 мы.NOM INV-FUT-ругать-FUT-1PL
 ‘Нас будут ругать’ (или отругают?) (а).

- (56) корякский
tok, tumyətum, esʔyi van qə-ʔəlqet-yi.
 ну товарищ.NOM.SG теперь PTCL IMP-спать-IMP
 [Накормили. Кончил и сказала ему нерпушка:] ‘— Ну, товарищ, теперь уж спи’ (или засыпай?) [Жукова 1988 Т20:22].

- (57) корякский
qə-tajŋa-la-tək, qə-ʔajŋaw-la-tək
 IMP-плакать-PLUR-2NSG IMP-звать-PLUR-2NSG.A
ʔəlla...
 мать.NOM.SG
 ‘Плачьте, зовите мать’ (или заплачьте и позовите мать?)
 [Жукова 1988 Т5:32].

Фокус на определенной фазе (ситуация наступит, будет иметь место или дойдет до своего предела) по сравнению с реальсом явно ослаблен. Асимметрия употреблений имперфектив-

ного суффикса демонстрируется не столько явными примерами, где имперфективная по смыслу форма не содержит показателя имперфектива, сколько его относительно низкой частотностью в чукотском и алюторском в ирреалисе по сравнению с реалисом.

Возможно, именно необязательность видового противопоставления в ирреалисе приводит к тому, что для обозначения имперфективного будущего в корякском может использоваться инхоативная конструкция:

- (58) корякский: имперфективное будущее через сочетание с ‘начинать’
<i>ja-ŋvo-la-ŋ</i>	<i>ɟujemtewilʔ-u</i>	<i>jimɣamyetə-k.</i>
FUT-начинать-PLUR-FUT	человек-NOM.PL	бояться-INF
- ‘Будут люди бояться (тебя)’ [Жукова 1988 Т7:88].

В еще более явном виде эффект нейтрализации видового противопоставления в ирреалисе реализуется в отрицательных конструкциях с использованием форм косвенных модальностей, которые мы рассмотрим на примере чукотского языка. Во всех этих примерах немаркированная основа демонстрирует аспектуальную нейтральность.

- (59) чукотский:

<i>yətnan</i>	<i>yət</i>	<i>wanewan</i>	<i>mə-rʔuntet-yet.</i>
я.ERG	ты.NOM	NEG.NFUT	OPT.1SG-обманывать-2SG.P

‘Я тебя не обманул/не обманываю/не обманывал (несколько раз) (а).

- (60) чукотский:

<i>yət</i>	<i>qəɾəm</i>	<i>mə-kolosie-nta-k.</i>
я.NOM	NEG.COND	OPT.1SG-усть.белая-VBLZ-1SG

‘Я не поеду в Усть-Белую/Я не буду ездить в Усть-Белую’ (а).

- (61) чукотский:

<i>qəɾəm</i>	<i>t-ʔə-ləmŋenə-k</i>	<i>atrʔesi</i>	<i>atlʔa-ta</i>
NEG.FUT	1SG-CONJ-идти-1SG	только	мать-ERG

in-ikw-ʔi
INV-говорить-AOR.3SG

‘Я бы не пошел/не стал бы ходить, но мама попросила’ (а).

Корякский имперфектив. Вторая корякская личная имперфективная форма, форма с циркумфиксом *k-ŋ*, является функ-

циональным аналогом алюторской личной имперфективной формы на *-tkən* и чукотской адъективной имперфективной формы (циркумфикс *nə-qen*, см. ниже) — точно так же, как и они, эта форма нейтральна в смысле временной соотнесенности с прошлым или настоящим и является типичным имперфективным кластером, покрывая значения дуратива и хабитуальности.

(62) корякский: дуратив (план настоящего)

əno amu uŋe ʔəsis'iu e-pilyet'i-ke, məjew

вот наверно NEG они.NOM PRED-голодать-PRED потому.что

ko-pl'as'ie-la-ŋ to k-aŋaŋja-la-ŋ.

IPFV-плясать-PLUR-IPFV и IPFV-петь-PLUR-IPFV

‘Ведь, наверное, они не голодают, потому что пляшут и поют’ [Жукова 1988 Т6:25].

(63) корякский: дуратив (план прошедшего)

ŋəsis'ieq.mənyətte ŋəjaq ʔajol-qawkena-k nojabr'a-k

двадцать четыре лишней-ORD-LOC ноябрь-LOC

jaqmitiw mətə-kjew-la, ewwəp nəte

утром INSG-проснуться-PLUR особенно сильно

ko-wjalatə-ŋ.

IPFV-пуржить-IPFV.

‘Двадцать четвертого ноября утром мы проснулись, особенно сильно пуржило’ [Жукова 1988 Т27:1].

(64) корякский: прогрессив (план прошедшего)

vəʔajok — ŋavəs'ŋə-t

потом женщина-NOM.DU

ku-pipitku-ŋ-i.

IPFV-расчесывать.волосы-IPFV-3DU

‘Наконец (увидел) — две женщины расчесывают волосы’ [Жукова 1988 Т21:32].

(65) корякский: актуальный хабитуалис

voskresen'ja-k mət-ko-l'ajvət'ko-la-ŋ

воскресенье-LOC INSG-IPFV-гулять-PLUR-IPFV

leninʔradə-k.

Ленинград-LOC

‘По воскресеньям мы гуляем по Ленинграду’ [Жукова 1988 Т2:6].

- (66) корякский: хабитуалис (план прошедшего)
aḵḵon ətəḵ ʔuǰemtewilʔ-u ko-sʲanʲəʂiel-la-ŋ.
раньше все человек-NOM.PL IPFV-враждовать-PLUR-IPFV
‘Раньше когда-то все люди враждовали’ [Жукова 1988 Т6:1].
- (67) корякский: актуальный (обобщенный) хабитуалис
to nəkita ŋajen jənoʊəjŋən metʔa-ŋ
и ночью тот.NOM.SG отверстие.NOM.SG аккуратно-ADV
na-ko-maltoŋəvo-ŋ-ən, *tik ŋano*
LOW.A-IPFV-закрыть-IPFV-3SG.P, чтобы это
nuŋ-sʲəǰje-te nə-ʔ-it-iki
NEG-простудиться-NEG 3-CONJ-быть-IPFV.IRR
wjalʲloʔə-k.
наступить.пурге-CONV
‘А ночью это дымовое отверстие хорошенько закрывают,
чтобы это не выстужало бы (помещение) во время пурги’
[Жукова 1988 Т28:37].
- (68) корякский: хабитуалис (план прошедшего)
metʲke ʊəsʲsʲi ŋejŋejə-k
ли ты.NOM осень-LOC
ko-wona-yele.ŋvo-ŋ?
IPFV-кедровые.шишки-собирать-IPFV
‘Ты осенью собирал(а) ли кедровые шишки?’ [Жукова 1988
Т1:1].
- (69) корякский: хабитуалис (план прошедшего)
psʲiqaʲlʲəŋ ʧonpəŋ k-oŋaʲŋəvo-ŋ.
Пчикальын всегда IPFV-ходить.за.дровами-IPFV
to walvəsʲʧ-a ko-wnaŋvo-ŋ-nen
а негодный.Вэллы-ERG IPFV-отбирать-IPFV-3PL.P
uŋelʲəsʲʧ-u.
дрова-PL.NOM
‘(Птица) Пчикальын всегда за дровами ходил. А негодный
(ворон) Вэллы отбирал все дрова’ [Жукова 1988 Т21: 2–3].

Форма реального имперфектива характерна для глаголов, у которых хабитуальность является лексическим признаком:

- (70) корякский: лексическая хабитуальность
ʧonʲpən ətə.lwetʲul-e
постоянно только.мясо.диких.олений-ERG

ko-jonal-la-ŋ.

IPFV-жить-PLUR-IPFV

‘Постоянно одним мясом диких оленей жили’ (= питались)
[Жукова 1988 Т9:4].

Таким образом, в зоне имперфектива чукотско-камчатские языки обнаруживают существенные расхождения как формально-го, так и системного плана. Когнатный имперфективный показатель по-разному распределен в корякском и алюторском языках, а в чукотском близок к презенсу. Во всех языках он редко употребляется в формах ирреалиса и, как кажется, является необязательным в ирреальных имперфективных контекстах. В чукотском реализе он вытесняется циркумфиксом имперфективной адъективной формы (см. ниже), а в корякском — новым показателем, инновацией, не имеющей аналогов в глагольной парадигме других языков.

При этом типологическое сходство между языками остается несомненным: синхронно в каждом из них обнаруживается имперфективный показатель с небудущей временной соотносительностью, совмещающий значения дуратива (в широком понимании) и хабитуалиса и являющийся основным способом выражения этих значений (в чукотском, впрочем, в настоящем времени с ним конкурирует показатель презенса), причем во всех трех языках этот показатель свой.

Адъективная перфективная форма

чук. «перфект», циркумфикс *ye-lin*

кор. «прошедшее II неочевидное» *ya-lin*

ал. «результатив», циркумфикс *ya-lin*

Результативом мы называем, как это принято в большинстве современных работ по грамматической типологии, форму для обозначения состояния, являющегося внутренним, обязательным следствием предельного процесса, его стативной фазой, наступающей непосредственно за достижением финала (‘он умер’ → ‘он мертв’), а перфектом — форму для обозначения состояния, являющегося «прагматическим» (необязательно эксплицитно указываемым) следствием имевшей место в прошлом ситуации (‘я много плакала’ [→ ‘это объясняет, почему у меня красные глаза’]) (ср. [Недялков 1983], подробное обсуждение и библиографию в [Плунгян 2011]). С диахронической точки зрения, перфект

обычно является расширением результата и поэтому, в отсутствие новой специализированной результативной формы, почти всегда включает наряду с другими и результативное значение, но, в отличие от результата, сочетается не только с предельными процессами, но и с глаголами других акциональных классов.

В чукотском, корякском и алюторском языках перфективная адъективная форма имеет сходный спектр результативно-перфектных употреблений.

Так, для нее характерны собственно результативные контексты:

- (71) чукотский: результирующее состояние

əʔtwet y-ew-lin?

лодка **PF-продырявливаться-3SG.PF**

‘Лодка дала течь?’ (а).

- (72) чукотский: результатив?

s'amʔam tə-re-jəl-ɣət! ənqen ɲan

не.мочь 1SG.A-FUT-отдать-2SG.P INTJ DEICT

lilī-s'əku ɣəmnan ɣa-jo-len=əm.

рукавица-IN я.ERG **PF-засовывать-3SG.PF=EMPH**

lilīqeɟ=əm s'ienle-s'iku ɣa-jo-len,

рукавица=EMPH ящик-IN **PF-засовывать-3SG.PF**

s'ieɲəl=əm ɣa-nnəmat-len=əm

ящик=EMPH **PF-закрывать-3SG=EMPH**

‘Не могу отдать тебе песню. Я же ведь ее (песню) в рукавицу засунул. Рукавицу в ящик засунул, ящик закрыл’ (т).

- (73) чукотский: результирующее состояние (кумулятивный процесс)

ɲewəs'iqet-ti muryin-et kətut-əm

женщина-NOM.PL наш-PL в.прошлом.году=EMPH

wʔe-tko-rʔo-ta it-ɣʔe-t ənɲə-ɲan

умирать-ITER-PLUR.S-CVB AUX-AOR-3PL старик-ABUND

nemeqeɟ s'it ɣe-ɣi-tʔettəwi-lin.

тоже очень **PF-INTS-уменьшиться-3SG.PF**

‘В прошлом году женщины наши многие поумирали, количество стариков уменьшилось’ (т).

- (74) алюторский: результирующее состояние (предельный процесс)

ʃoro na-laʔu-nawwi; awən ət-uwwi

потом LOW.A-видеть-3PL.P уже он-NOM.PL

ya-qītā-lanin

PF-замерзать-3PL.PF

‘Потом (этих людей) нашли (=увидели), они уже замерзли (насмерть)’ [ЯиФА Т38: 6–7].

(75) корякский: результирующее состояние

təllətəl qiwwa-naly-a ya-jpə-lin.

вход.NOM.SG плохой-шкура-ERG **PF-одеть-3SG.PF**

‘Вход завешен дырявыми шкурами’ [Жукова 1972: 236].

В ряде контекстов — например, с глаголами движения — граница между собственно стативной фазой ситуации и перфектным значением оказывается размытой:

(76) чукотский: результиativ?

...*kat'a əməŋ ye-lqət-lin.* — *kat'a?* — *enmes'i*

Катя также **PF-приехать-3SG.PF** Катя уже

jara-k ye-pkir-lin, *enmes'i ŋutku.*

дом-LOC **PF-приехать-3SG.PF** уже здесь.

‘— Там эта... еще Катя приехала. — Катя? — Да, она уже домой приехала, уже здесь’. (p)

(77) чукотский: перфект?

Nə-miys'iret-iyəm, qol itək ənqen na-lpənrə-ŋəm

IPFV-работать-1SG один раз очень INV-дать-1SG.P

trutudnja-ta, ya-mane-pere-ŋəm.

трудодень-ERG **PF-деньги-брать-1SG**

‘Работала я, и однажды дали мне трудодни — заработала денег’ (p).

(78) алюторский: результиativ?

man'aŋtekə-n miti, taqəŋana

проклятый-NOM.SG Мити.NOM.SG почему

ya-jatə-lqiv-lin?

PF-приходить-INCH-3SG.PF

‘Чертова Мити, зачем пришла?’ [ЯиФА Т2:35].

В других контекстах употребление не типично результиativное:

(79) чукотский: экспериенциальный перфект

wəne waj qejwe qol meŋin

INTRJ DEICT правда один.NOM кто-то.NOM

ya-yto-len?

PF-родить-3SG.PF

‘Это правда, что ты больше никого не рожала?’ [Dunn 1999: 363].

(80) чукотский: перфект

ye-nju-lin

uun

PF-пасти.оленей.ночью-3SG.PF Уун

‘Ночью пас Уун’.

(81) корякский: перфект

jatan ye-le?u-linet mus'yiin

только **PF-видеть-3DU.PF** наш.3SG

petropavlovsk kams'atskij. To leninyrad

Петропавловск-Камчатский и Ленинград.NOM.SG

as'jə-nan ye-le?u-lin jatan otratka-k

они-ERG **PF-видеть-3SG.PF** только открытка-LOC

mejine-w yam-nan tə-je-new wotkanqo.

который-NOM.PL я-ERG 1SG.A-привезти-3PL.P.AOR отсюда

‘Только видели (отец и мать) наш Петропавловск-Камчатский. А Ленинград они видели только на открытках, которые я привезла отсюда’ [Жукова 1988 T2: 11–12].

(82) корякский: перфект

ʔak, net piriqəl'ŋ-e ye-n'siikjimŋevi-yam.

INTRJ вот.же мышь-ERG **PF-издеваться-1SG**

‘Ык, опять мыши надо мной издевались’ [Жукова 1988 T17:56].

Таким образом, употребление чукотской, алюторской и корякской адъективных перфективных форм явно не ограничено результативными контекстами. С другой стороны, вне нарративного режима, где эта форма имеет особые функции (см. ниже) оказывается крайне затруднительным найти однозначно перфектные контексты для глаголов, обозначающих состояния или непределные процессы. Для тех немногих контекстов, где состояния / непределные процессы в этой форме находятся, например, в ЯиФА, можно предложить иные, не собственно перфектные ее интерпретации. Тем не менее, несмотря на то, что данная форма не развила все возможные перфектные употребления, функциональным ядром этой категории является, на наш взгляд, именно перфект.

Специального обсуждения требуют некоторые другие типы употребления адъективной перфективной формы: ее связь с эвиденциальностью, «дискурсивный перфект» для сообщения фоновой информации, особенности использования алюторских форм в традиционных нарративах и перфект предпрошедшего. Отметим, что, несмотря на абсолютное количественное доминирование «нарративного перфекта», о котором сейчас пойдет речь, по сравнению со всеми другими функциями перфекта, например, в алюторских текстах, мы считаем это употребление вторичным по отношению к основному — описанному выше.

Адъективный режим нарратива. В алюторском адъективная перфективная форма имеет особый класс употреблений. Нарративы не от первого лица (сказки, легенды, рассказы не о себе) достаточно четко делятся на две группы. Одни используют перфективные видовременные формы в тех же функциях, что и в обычной речи. В качестве основного перфективного прошедшего времени используется личная перфективная форма, т. е. аорист (ср. 11 и далее), а форма перфекта встречается относительно редко. В собрании ЯиФА таковы фольклорные тексты 2, 4, 5, 7, 8, 11, 13, 14.

Но существует и другой нарративный режим, в котором в этом же жанре текстов в качестве обычной аористой формы (например, для перечисления последовательности событий в прошлом) используется адъективная перфективная форма, лишенная своего перфектного значения. Таковы фольклорные тексты 1, 3, 6, 9, 10.

(83) алюторский: снятая перфектность (последовательность событий в прошлом)

titaʔana nutalqə-k ya-junatə-lqiv-lin

когда.то земля-LOC PF-жить-INCH-3SG.PF

nə-kərvi-qin qutkin'n'aqu.

ADJ-радостный-ADJ.3SG Куткинняяку.NOM.SG

titaqa qutkin'n'aqu-nak maŋkiʔana

однажды Куткинняяку-ERG.SG где.то

ya-laʔu-lin ənnə-ʔən. ʕoro

PF-видеть-3SG.PF рыба-NOM.SG потом

y-akmil-lin ʕälə-ʕal ənnan-ʕujamtawilʔ-ənin,

PF-брат-3SG.PF топор-NOM.SG один-человек-POSS.3SG

ya-nyu-lin   *ənnə-ʔən*   *al'ʋə-tku-k.*
PF-начать-3SG.PF рыба-NOM.SG скрести-MULT-INF
ʕoro ya-nanqəŋtu-lin.   *kətawət ya-ʔita-lin:*
 потом **PF-потрошить-3SG.PF** вдруг PF-смотреть-3SG.PF
tinyaʔana itqil'yərratə-tku-tkən.
 что.то сверкать-MULT-IPFV
ənkinaqa ya-tatkajuŋə-lqiv-lin   *tinyajaq ənŋin.*
 тогда **PF-думать-INCH-3SG.PF** что.за этот.NOM.SG
 ‘Жил на свете веселый Куткиннюк. Однажды Куткиннюк
 где-то увидел рыбу. Потом взял топор у одного человека и
 начал рыбу скоблить. Затем вынул из брюха внутренности.
 Вдруг смотрит — что-то блестит. Тогда он задумался: что
 же это?’ [ЯиФА Т1: 1–6].

По-видимому, такое же употребление возможно и в корякском языке:

- (84) корякский: снятая перфектность (последовательность событий в прошлом)

to emesʲ jivi.pil'ʋaq-u   *ye-pjə-linew*   *to*
 и даже прутик-NOM.PL **PF-срезать-3PL.PF** и
ye-jelqiw-lin   *ʔ-isʲsʲu-lin*   *to*
PF-войти-3SG.PF **PF-подстелить-3SG.PF** и
ya-jalte-lin.   *jaqam tətʔelʲ* *ya-nyo-len*
PF-лечь-3SG.PF. сразу очень **PF-начать-3SG.PF**
oməlʲʔata-k,   *emesʲ ko-sʲʔəljo-ŋ.*   *kimitʔa-w*
 согреться-INF даже IPFV-потеть-IPFV. одежда-NOM.PL
ku-lpijtə-ŋ-nin   *to jeqqesʲʔam*
 IPFV-выжимать-IPFV-3SG/3SG.P.AOR и что.же
ye-teŋetew-lin,   *ya-nyo-len*
PF-одеваться-3SG.PF **PF-начать-3SG.PF**
je-jəlqə-ŋ-kə.   *akko!* *ye-jəlqe-lin*   *teqən*
 DESID-спать-DESID-INF ох! **PF-спать-3SG.PF** будто
ye-viʔə-lin.

PF-умереть-3SG.PF

‘И даже прутьев (ивняка) срезал и вошел, подстелил (прутья) и лег. Сразу очень стал согреваться, даже вспотел. Одежду выжимает и, что же, оделся, захотел спать. Ох! Уснул как мертвый (букв.: уснул будто умер)’ [Жукова 1988 Т9: 25–29].

Личная имперфективная форма используется в обоих нарративных режимах одинаково:

(85) алюторский: имперфектив с нарративным перфектом в функции аориста

ən̄jēn təla-tkə-t   *qutkin'n'aqu-nti*
там **придти-IPFV-3NSG** Куткиннюку-NOM.DU
ya-ŋavʔan-a.   *əntawət ya-juʔə-lin*
COMIT-жена-COMIT   теперь **PF-достичь-3SG.PF**
niŋvit-rajərʔə-n.
черт-дом-NOM.SG

‘Вот идут Куткиннюку с женой. И вот встретили дом бесов’
[ЯиФА Т6: 28–29].

(86) алюторский: имперфектив с собственно аористом

numal ɲətu-jjə,   *ɲəvu-jjə*   *ʒawanni-k.*
снова **выйти-3SG.AOR** **начать-3SG.AOR** шить-INF
qetəlyə-lɲən   *rətilə-tkən*   *rara-k.*
DIMIN.палец-NOM.SG **жить-IPFV** дом-LOC

‘Снова вышла на улицу и стала шить. А мальчик-с-пальчик лежит в юрте’ [ЯиФА Т11: 7–8].

Никаких правил, определяющих выбор базовой перфективной нарративной формы, обнаружить не удается, поэтому остается предположить, что говорящий сам выбирает нейтральный «личный» (аористный) или «адъективный» (перфектный) режим нарратива. В нефольклорных текстах, бытовых рассказах от первого лица доминирует «личный» режим. Однако текст 36 «Преследование росомахи» целиком выдержан в адъективном режиме. Особенность этого текста в том, что рассказ ведется не о событиях, происходящих с самой рассказчицей (как в остальных текстах), но о том, как ее знакомый ночью заблудился в пургу. Интересен в этом отношении текст 29, который состоит из двух независимых новелл, рассказов из жизни двух разных шаманов. Первый рассказ предварен сообщением, что говорящий был во время рассказываемых событий маленьким, но все помнит. Этот рассказ ведется в личном режиме. Второй рассказ не содержит таких комментариев и целиком выдержан в адъективном режиме.

Все это позволяет предположить, что использование личных vs. адъективных перфективных форм отражает выбор гово-

рящим одного из двух повествовательных режимов — заглазного или засвидетельствованного. Для текстов, лежащих в плане мифологической реальности, засвидетельствованный режим является также немаркированным — выбор режима в сказках происходит по усмотрению говорящего, он может рассказывать сказочный сюжет, как если бы он был участником событий. Можно было бы предположить, что последний факт указывает на разрушение категории заглазости в алюторском языке, но никаких нарушений и сбоев раз выбранного режима в текстах ЯиФА мы не наблюдаем, так что, возможно, что речь идет о вполне устойчивой системе.

Иное возможное объяснение нарративного режима — через развитие перфекта в расширенный перфект с включением функций аориста — следует, по-видимому, отвергнуть, так как, во-первых, эти функции отсутствуют у перфекта вне специального нарративного режима и, во-вторых, они характерны для «старого» перфекта, в то время как в чукотско-камчатских языках он, по-видимому, относительно недавнего происхождения и все еще довольно близок к результату. Остается понять, как адъективная перфективная форма соотносится с эвиденциальностью вне заглазного режима нарратива.

Эвиденциальность перфекта. Авторы алюторской грамматики выделяют у адъективной перфективной формы сопутствующее значение заглазости [ЯиФА 221], а в грамматике корякского языка [Жукова 1972] эта форма так и называется — «прошедшее II неочевидное». Ее использование в адъективном режиме традиционного алюторского нарратива является очень сильным аргументом в пользу эвиденциальной трактовки формы.

Проблема, однако, состоит в том, что для перфекта ожидаемым является развитие в показатель инферентивного типа, а нарративное употребление скорее представляет эвиденциальность репортативного типа. Кроме того, связь алюторского перфекта с заглазностью вне заглазного нарративного режима по текстам прослеживается относительно слабо. Перфектные и результативные значения вообще легко сочетаются с указаниями на ситуации, при которых говорящий не присутствовал, поэтому в таких контекстах невозможно отличить грамматическое значение

эвиденциальности от прагматически наведенного. Важным указанием на проблематичный характер связи между перфектом и заглазностью является употребление перфекта в первом лице, что для заглазных форм не характерно:

(87) алюторский: перфект с первым лицом

yətmə allə a-qītə-ka, məri yətmə
я не PRED-мерзнуть-PRED потому.что я.NOM
n-um-ʔa y-itʔep-iyəm.

ADV-теплый-ADV PF-одеться.в.кухлянку-1SG

‘Я не замерзла, потому что была тепло одета в кухлянку’
[ЯиФА Т37:18].

(88) корякский: перфект с первым лицом

əpʉlʉj-yəm y-iti-yəm enʉisʉi-te y-ivi-yəm:
маленький-ADJ.1SG PF-быть-1SG отец-ERG PF-говорить-1SG
«nə-valom-ʔaw ye-niʃəvo-ta ənənəlʔəŋ».

ADV-послушно-ADV IMP1-начать-IMP1 старший.NOM.SG

‘(Когда) я еще маленькая была, отец мне говорил: «Слушайся старшую (сестру)»’ [Жукова 1972: 237].

С другой стороны, некоторые примеры можно интерпретировать как иллюстрации особых семантических эффектов (неполная осознанность), происходящих при комбинации косвенной засвидетельствованности и референции к первому лицу (ср. [Майсак, Татевосов 2000]).

(89) чукотский: перфект с эффектом неосознанности

ənnin=əm t-ənwił-yʔe-k etə
так=EMPH 1SG-остановиться-AOR-1SG наверное
y-itsʉet-iyəm ye-req-iyəm

PF-стать.тяжелым-1SG PF-что.делать-1SG

‘Так я остановился. Я наверное отяжелел, или что со мной было (не знаю)’ (т).

(90) алюторский: перфект с эффектом неосознанности

n-iv-yəm məri wutinʔat
LOW.A-сказать-1SG.P потому.что этот.NOM.SG
ta-jatə-lqi, nə-kju-ʔa
FUT-придти-INCH.AOR ADV-чутко-ADV

ya-jəlqat-iyəm, na-ktə-nəkjav-yəm.

PF-спать-1SG   LOW.A-вдруг-будить-1SG.P

‘Мне сказали, что он придет, я чутко спала, меня неожиданно разбудили’ [ЯиФА Т31:2].

Возможное, но сугубо предположительное объяснение: исторически эвиденциальная форма удерживается как индикатор особого режима традиционного нарратива, но утрачена в других, более живых жанрах, где ее сфера сократилась до обычного перфекта. Единственное, что мы можем сделать на настоящем этапе — это отметить, вслед за грамматиками, связь алюторского и, возможно, корякского перфекта с эвиденциальностью.

Фоновая информация. Следующий тип дискурсивного употребления перфекта в нарративе (как фольклорных текстах, так и в бытовых рассказах от первого лица), представленный во всех трех чукотско-камчатских языках — это временный перевод плана повествования на предшествующие, фоновые события; или описание исходного, начального события или событий, в дальнейшем приведших к цепи ситуаций, которая описывается нарративом. В целом это употребление можно определить как введение фоновой, «закадровой» информации. В фольклорных текстах оно последовательно употребляется в зачине, вне зависимости от того, в каком режиме ведется рассказ. Внутри нарратива оно достаточно отчетливо опознается на фоне аористных цепочек в рассказах от первого лица, но опознать его можно и в заглазном режиме, так как только в такой дискурсивной функции адъективная перфектная форма может выражать имперфективные значения. В отличие от расширения перфекта до аориста, обозначенного выше как «снятая перфектность», в таких контекстах может сниматься перфективная интерпретация в целом:

(91) алюторский: сказочный зачин, снятая перфективность

titaʔana nuta.lqə-k ya-junatə-lqiv-lin

однажды земля-LOC **PF-жить-INCH-3SG.PF**

nə-kərvi-qin qutkin'n/aqu.

ADJ-радостный-ADJ.3SG Куткиннюку

‘Когда-то жил на земле веселый Куткиннюку’ [ЯиФА Т1:1].

- (92) корякский: сказочный зачин, снятая перфективность
ye-junel-lin *ənpəqlavol* *ye-npə.ɲev-e.*
PF-жить-3SG.PF старик.NOM.SG COMIT-старуха-COMIT
 ‘Жили-были старик со старухой’ [Жукова 1988 Т9:1].
- (93) алюторский: фоновая информация, начало бытового рассказа
əllaʔə-ŋ *ya-jəl-lay* *wapaqa-wwi* *inaralʔ-a,*
 мать-DAT **PF-дать-3PL.PF** мухомор-NOM.PL сосед-ERG
ya-nuʔjulav-lay *qinaq* *nə-ʔə-mlavə-lqi*
PF-учить-3PL.PF чтобы 3-CONJ-танцевать-INCH.AOR
nə-ʔ-aŋaŋta-lqi *ətək-ra-tenə-k.* *əllaʔ-a*
 3-CONJ-петь-INCH.AOR их-дом-APUD-LOC мать-ERG
tu-ni-na *wapaq-u* *to jəlqə-lqiv-i.*
 есть-3SG/3PL мухомор-NOM.PL и спать-INCH-3SG.AOR
 ‘Соседи дали матери мухоморов и подговорили их, чтобы
 она плясала и пела возле их дома’ («результатив»). Мать
 съела мухоморы и уснула’ (Aor) [ЯиФА Т39: 1–2].
- (94) алюторский: фоновая информация, начало бытового рассказа
qamavə-nti *jattiʔə-nti* ***ya-tkəjavsil-linat***
 Камав-NOM.DU Яттиген-NOM.DU **PF-ссориться-3DU.PF**
qura-kita. *qamav-ənak* *akmin-nin*
 олень-CAUSAL Камав-ERG.SG взять-3SG/3SG.P.AOR
milyəʕər, *nutaliqə-k* *rətil-ləʔə-n.*
 ружье.NOM.SG земля-LOC лежать-ATR-NOM.SG
 ‘Камав и Яттиген поссорились из-за оленей {переход в ре-
 жим аориста — к основному плану повествования} Камав
 взял ружье, которое лежало на земле’. [Потом сильно уда-
 рил по голове Яттигена. Яттиген схватился за голову. По
 лицу из-под пальцев кровь полилась и закапала на землю.
 Яттиген приблизился к Камаву и пнул его ногой в живот.
 Камав взялся за живот рукой. Потом Камав схватил Ятти-
 гена за плечо и сбросил в овраг. Яттиген сначала схватился
 за куст, но не смог куст удержать.] [ЯиФА Т41: 1 и далее].

Как сообщение «закадровой», фоновой информации можно интерпретировать следующие контексты, встроенные внутрь бытового нарратива. Здесь также возможен эффект «снятой перфективности» — дуративное (или квазихабитуальное?) и хабиутальное значение выражается формой перфекта:

(95) чукотский: снятая перфективность

kejŋəwəwət nemeqej nə-tenmaw-qen. tiŋur
 Кэйнынэут тоже IPFV-готовиться-3SG лук.NOM.SG
ənkʔam tiŋur-mʔemi-t əməʔo
 и лук-стрелы-NOM.PL все
teŋ-yite-ninet. ətton əŋətəʔ ye-jyulet-lin
 хорошо-смотреть-3PL.P.AOR она INTJ PF-уметь-3SG.PF
tiŋurə-tku-k. *taaŋə-tko-ma kejŋəwəwətə-ne*
лук-VBLZ-INF пробовать-ITER-CVB Кэйнынэут-ERG
tiŋur-nin rewəmwew eʔŋə-tkən-ək
 застрелить.из.лука-3SG.P куропатка.NOM.SG мыс-SUP-LOC
wa-lʔə-n, təyewewər eret-yʔi uŋŋə
 быть-ATR-SG сразу.же падать-AOR.3SG NEG.NOM
e-łewtə-ke.
 NEG-голова-NEG

‘Кэйнынэут тоже готовилась. Лук и стрелы для лука хорошо осмотрела. Она очень хорошо умела управляться с луком. Попробовала Кэйнынэут застрелить из лука куропатку на мысу — сразу же куропатка упала без головы’ [Kurebito 2004: 7].

(96) алюторский: закадровая информация в середине текста

wutinyivi murɣina-w pastuqa-w to anapketə-kina-w
 этот.год наш-3PL пастух-NOM.PL и Анапка-REL-3PL
ayɪ janutəŋ ətɣə-nan murɣina-w pastuqa-w
 очень сначала они-ERG наш-3PL пастух-NOM.PL
na-pisevə-tku-naw. pəsa ənnanu janutə-tkən
 LOW.A-обойти-MULT-3PL.P сейчас всегда быть.первым-IPFV
sanva, məri ə.nina-w n-eqə-laŋ
 Санва.NOM.SG потому.что его-3PL ADJ-быстрый-ADJ.3PL
qura-wwi. ənnanu ɣa-qura-tawaŋə-lqiv
 олень-NOM.PL всегда PF-олень-тренировать-INCH
to ɣitasitə-k ***ɣa-janutə-lqiv.*** *maŋin'as*
и устраивать.гонки-CVB PF-быть.первым-INCH когда
murɣina-w pastuqa-w ŋəvu-la-tkə-t
 наш-3PL пастух-NOM.PL начать-PLUR-IPFV-3NSG
ɣitasitə-k murə-kki to ŋətə-tkən sanva.
 устраивать.гонки-ITER-INF мы-LOC тогда придти-IPFV Санва
 ‘В этом году наши и анапкинские пастухи устраивали много гонок. Сначала те наших перегоняли. Каждый раз пер-

венствовал Санва, потому что у него быстрые олени. Он постоянно тренировал оленей и первенствовал на гонках. Когда наши пастухи начинают устраивать у нас гонки, то приезжает Санва' [ЯиФА Т40: 1–5].

Ср. также следующий корякский пример, где дискурсивный перфект сначала используется в зачине рассказа, а затем для введения фоновой, закадровой информации:

(97) корякский: снятая перфективность (зачин и затем фон)

aŋoon əs's'u tan'ŋ-o s'aws'əva-w
 давно они.NOM чукча-NOM.PL коряк-NOM.PL
ya-tan'ŋəs'el-lenaw. *həjə-te ya-tan'ŋəs'el-lenaw.*
PF-враждовать-3PL.PF лук-ERG **PF-враждовать-3PL.PF**
məjew uŋe miɣəʔj-uə jeppa e-tejkə-ke.
 потому.что NEG ружье-NOM.PL еще PRED-делать-PRED
qin'vat əs's'u pojy-a, həjət-e uviki-w
 и.вот они.NOM копье-ERG лук-ERG сам-NOM.PL
na-ko-nmə-ŋ-naw. to yekeŋ-e
 LOW.A-IPFV-убивать-IPFV-3PL.P и оленья.упряжка-ERG
ko-pen'nə-la-ŋ tan'ŋ-o s'aws'əva-jtəŋ.
 IPFV-броситься-PLUR-IPFV чукча-NOM.PL коряк-LAT
qin'vat əjətə-l'ʔ-u s'aws'əva-w pəkejə.nv-o
 ведь лук-ATR-NOM.PL коряк-NOM.PL место.для.подхода-PL
təttel' vetyaje-ŋ winv-u ye-tejkə-linew.
 очень напрямик-ADV дорога-EQUAT **PF-делать-3PL.PF**
 'Некогда чукчи и коряки враждовали. Луками воевали. Потому что еще ружей не делали. Вот ведь они копьями, луками друг друга убивали. И на оленьих упряжках бросались чукчи на коряков. Ведь вооруженные луками коряки места для подхода очень прямой дорогой (проложенным следом) делали'. {Далее следует текст в имперфективе: 'Начинают подходить (враги), пристраиваются вооруженные луками, у дороги, стреляют в них...'»} [Жукова 1988 Т4: 1–6].

Зона плюсквамперфекта. Наконец, следует отметить, что, поскольку чукотско-камчатским языкам противопоставление плана прошедшего и настоящего в целом несвойственно, некоторые использования перфекта соотносят ситуацию с планом предпрошедшего:

(98) чукотский: перфект в таксисном контексте

kejŋə-n jet-γʔi. ənan ʏe-numekew-lin
медведь-NOM.SG идти-AOR.3SG он.ERG PF-собирать-3SG.PF
taŋ-amałwa-ŋ wa-lʔə-n wəkvə-lʏən.
INTS-разный-ADV быть-ATR-NOM.SG камень-NOM.SG

‘Медведь пришел. Он насобира́л (до этого) самые разные камни’ [Недялков 1983: 107].

(99) алюторский: перфект в таксисном контексте

tə-retə-tkən, num qəlavul
1SG-вернуться.домой-IPFV снова муж.NOM.SG
ʏa-mal-inanititav
PF-INTS-варить

‘Прихожу́ домой, снова муж наготовил (еды)’ [ЯиФа Т33:21].

Говорить о специализации этой функции было бы невозможно, если бы у формы не развивались характерные именно для плюсквамперфекта дополнительные функции — например, функция недостигнутого результата:

(100) чукотский: перфект в значении недостигнутого результата

ekwetrʔu-γʔe-t neme. anə ʏ-enarer-lenat
отправиться-AOR-3PL опять DEICT PF-искать-3PL.PF
taŋ-ʔotchoj, lʔu-k na-taŋə-lwawə-n.
EMPH-долго найти-INF INV-EMPH-не.смочь-3SG.AOR

‘Отправились они опять. Ох и искали они очень долго — найти никак не смогли’ [Недялков 1983: 216].

Итак, суммируем данные о функциях адъективной перфективной формы. Все три языка обнаруживают здесь значительное сходство. В каждом из языков основное значение формы — молодой перфект или «расширенный результатив»: перфектное значение, все еще предпочитающее, однако, предельные процессы и события. В алюторском и корякском распространено употребление некоторыми говорящими адъективной перфективной формы в функции нарративного аориста; другие говорящие в таких же контекстах употребляют ту же форму, что и вне нарратива (личную перфективную форму — собственно аорист). Характер текстов, рассказываемых в «адъективном» режиме — сказки и рассказы о третьем лице — явно указывает на связь перфекта с эвиденциальностью. Несмотря на это, связь перфекта с эвиденциально-

стью, констатируемая в [ЯиФА: 221] и [Жукова 1972: 234], не-обязательна и требует дополнительного исследования, так как перфект относительно легко сочетается с референцией к первому лицу, а сам по себе заглазный режим не является обязательным для фольклорного текста. Во всех трех языках отмечен особый тип дискурсивного использования перфекта для передачи фоновой информации, не принадлежащей основному событийному плану рассказа, причем аспектуальность этой категории нейтрализуется («снятая перфективность»), а также таксисные контексты, где перфект соотносит событие с планом предпрошедшего. Оба употребления очевидным образом вытекают из основного значения перфекта: в обоих случаях говорящий апеллирует к ситуации, имевшей место до основного плана повествований. Однако с грамматической точки зрения эти употребления частично обособлены. Действительно, в случае подачи фоновой информации говорящий может указывать в большей степени на саму ситуацию в прошлом, чем на ее последствия; а предпрошедшее развивается, по крайней мере в чукотском, дополнительные функции, типологически характерные именно для зоны плюсквамперфекта.

Адъективная имперфективная форма

чук. «имперфект» *nə-qin*

кор. «качественное прилагательное от глагольной основы» *nə-qin*

алют. «отглагольное прилагательное» *nə-qin*

Чукотская адъективная имперфективная форма является функциональным аналогом личных имперфективных форм других языков — алюторского имперфективного суффикса *-tkən* и корякского имперфективного циркумфикса *k-η*. Она используется в значениях дуратива, прогрессива и хабитуалиса с референцией к настоящему в тех же функциях, что и личная форма на *-rkan* (причем их распределение в этой функции неясно), а также с референцией к прошлому, где личная форма практически не употребляется.

(101) чукотский: дуратив (план прошедшего)

yəmnan   *təyi*   *tə-lyə-n*   *qətəlyi*

я.ERG   помнить   1SG-AUX-3SG.P   вот

nas³qa-ytə   ***nə-len-muri***

Нешкан-ALL   **IPFV-идти-1PL**

‘Помню я, на Нешкан мы шли’ (т).

- (102) чукотский: дуратив (план настоящего)
ɲaryʊən wa-lʔə-t reqə-rkət?
 снаружи быть-ATR-3PL **что.делать-IPFV.3PL**
 — *wəneraj, n-umqe-welerkəle-rʔu-qinet!*
 вон **IPFV-медведь-догонять-PLUR.S-3PL**
 ‘Что снаружи находящиеся делают? — вон, все медведей догоняют!’ [Беликов 1979: 40].
- (103) чукотский: дуратив (план настоящего)
nə-rʔe-qin ɛtmje ɲot? — nə-sot-wanla-qen.
IPFV-что.делать-3SG еще этот? **IPFV-соль-просить-3SG**
 ‘Что это он тут делает’ / ‘делал? — Соли просит’ / ‘просил’ (а).
- (104) чукотский: актуальный хабитуалис
wane, itək=əm ɲan nə-nto-qen
 нет, так=EMPH DEICT **IPFV-выходить-3SG**
 {Ответ на вопрос о том, почему соседка прекратила выходить гулять} ‘Нет, так она все же выходит гулять’ (т).
- (105) чукотский: актуальный хабитуалис
əmə ənka pʔiŋə, tonja ɲan sʔajwəyərʊən
 тоже там Пины Тоня DEICT Чайвыгыргина
jep ɲan eŋeŋ n-ine-nu-qin
 еще DEICT лекарство.NOM.SG **IPFV-INV-есть-3SG.A**
 {дочь рассказывает матери о том, что происходит с их знакомой} ‘Тоже там (в больнице, где) Пины (имя собственное), Тоня Чайвыгыргина лекарство кушает’ (т).

Глаголы ‘жить’ и ‘работать’ также хорошо сочетаются с этим показателем, так как первый выражает хабитуальное значение лексически, а второй обладает этим свойством по крайней мере в большей части контекстов:

- (106) чукотский: хабитуалис в плане прошедшего
ənken jep ɲewəsiqet-u e-nʔet-kə-lʔ-iyəm
 и еще женщина-EQUAT NEG-статья-NEG-ATR-1SG
ranəna nə-miysiret-iyəm emqən
 постоянно **IPFV-работать-1SG** все.время
keti-plətku-k.
 учиться-закончить-CVB
 ‘И, еще женщиной не став, все время работала после учебы’ (т).

- (107) чукотский: план настоящего
rultəŋe nə-twa-qen aŋqa-k.
 рультана IPFV-жить-3SG море-LOC
 ‘Рультана живет’ / ‘жила у моря’ (а).

Алюторское и корякское отглагольное прилагательное встречается в текстах крайне редко (всего четыре примера с глагольными корнями во всех текстах ЯиФА при большом числе употреблений этой формы для собственно адъективов). Авторы ЯиФА отмечают, что эта форма имеет значение хабитуального действия или указывает на его потенциальную осуществимость. Как кажется, речь идет не просто об обычном действии (значение, которое бы, вероятно, выражалось хабитуальным имперфективом), но именно о возможности осуществления ситуации, то есть о внутреннем свойстве соответствующего участника. Примеры, которые приводятся в [ЯиФА: 221], либо прямо подкрепляют эту интерпретацию (например, ‘гриб съедобен’), либо совместимы с ней, если допустить не абсолютную прагматическую точность приводимых переводов (‘она рукодельничает’ или ‘она рукодельница’). Немногие текстовые примеры также ей не противоречат:

- (108) алюторский: отглагольное прилагательное (свойство)
«qəjjē, qəsən jappu n-əlwu-qin
 INTRJ оказывается тоже QUAL-убить.оленя-QUAL.3SG
un'un'u».
 ребенок.NOM.SG
 ‘«Ой, оказывается, (я) еще и ребенок, который умеет добывать оленей»’ [ЯиФА Т8:31].

- (109) алюторский: отглагольное прилагательное (свойство)
usa qun mə-tawaŋə-n ənnan,
 теперь ладно 1SG.A.HORT-пробовать-3SG.P один
mə-nwanŋə-n, anagemat
 1SG.A.HORT-разделать-3SG.P может
n-ina-nmə-lajin.
QUAL-ANTI-убивать-QUAL.3PL
 [Тут видит он: прямо к нему бежит стадо диких оленей. К нему подошли и вдруг все померли.] ‘Ну, попробую-ка я (съесть) одного, разделю его. Может, они отравлены (= убивающие)’. [Он попробовал, съел костный мозг, стал ждать. Думает: «Наверное, умру»] [ЯиФА Т8:26].

В последнем примере интересно употребление антипассивного показателя (-*ina-*). Антипассив оправдан и семантически, и синтаксически, так как речь идет о характеристике партиципанта как потенциального Агенса, о его свойстве, т. е. по сути о значении, близком к объектному имперсоналу (в частности здесь — убивающие своим ядом не кого-либо конкретного, а любого, кто бы их ни попробовал). Возможно, особые согласовательные правила, характерные для чукотского имперфекта переходных глаголов (обязательное использование в некоторых лично-числовых комбинациях префикса, когнатного антипассивному префиксу корякского и алюторского), исторически связаны с его происхождением из этой конструкции.

Сходным образом функционирует имперфективная адъективная форма в корякских текстах:

(110) корякский: отглагольное прилагательное (свойство)

tättelʹ nə-lweyili-qin.

очень **QUAL-добывать.диких.олений-QUAL.3SG**

[Жил старик со старухой. И один взрослый сын.] Очень много постоянно добывающий диких оленей' [Жукова 1988 Т9:3].

(111) корякский: отглагольное прилагательное (свойство)

ewənʔat nə-miti-yi kinuŋ-vapatə-k.

ведь **QUAL-уметь-QUAL.2SG** мясо-варить-INF

'Вот ведь умеешь ты (умелая ты) мясо варить' [Жукова 1988 Т11:23].

Таким образом, речь идет не столько о хабитуальной ситуации, сколько о свойствах, локализованных во времени или вневременных, то есть это значение ближе скорее к квалитативу. Это позволяет объединить адъективную имперфективную форму (квалитатив) и собственно прилагательные, а также объяснить абсолютное предпочтение, которое она отдает именно адъективным корням — квалитативность является лексическим свойством большинства прилагательных и лишь периферийной функцией динамических ситуаций. В алюторском корпусе один раз встретилось отглагольное прилагательное, образованное от связки — но речь здесь идет о своего рода «аналитическом квалитативе», где связка берет на себя функцию финитной формы при отсубстантивной адъективной форме: каритиве.

(112) алюторский: отглагольное прилагательное от бытийного глагола

jaqqə ənni a-l'əlja-ki-nu

ну он.NOM PRED-глаз-CARIT-EQUAT

n-it-qin.

QUAL-быть-QUAL.3SG

‘Ведь она была слепой’ [ЯиФА Т35:10].

Справедливости ради следует отметить, что в одном контексте адъективная имперфективная форма, которую мы для корякского и алюторского языков глоссируем как квалитатив, передает скорее обычное дуративное значение (это тоже конструкция со связкой и именной формой):

(113) алюторский: отглагольное прилагательное (состояние)

ɲetaŋ awwav-ī liqtəŋ to ina-ɣal-e,

тогда уходить-3SG.AOR назад и 1SG.P-проходить-3SG.AOR

məri ɣəmmə n-it-iɣəm ʃəlʃəl-ɣiŋ-ki.

потому.что я.NOM **QUAL-быть-1SG** снег-IN-LOC

‘Тогда он поехал назад, но пропустил меня, потому что я была под снегом’ [ЯиФА Т37:15].

Исторически единство показателей хабиитуалиса в алюторском и корякском, с одной стороны, и показателя имперфектива в чукотском, с другой, не вызывает сомнений. Остается открытым вопрос о направлении его развития и связанных с ним сдвигов в зоне имперфектива в целом. Мы вернемся к этому вопросу в заключении.

Отглагольный предикатив

чук. «отрицательная форма (отрицательное деепричастие)»

кор. «категория состояния»

ал. «отглагольный предикатив»

Отглагольный предикатив — глагольная форма, морфологически параллельная предикативным формам прилагательных и в этом смысле похожая на адъективные глагольные формы. Как и адъективные глагольные формы, она не может нести основных глагольных словоизменительных суффиксов и, подобно адъективным формам, сочетается с префиксом *-ina-* (алюторский «антипассив»), а также с глагольным плюрализатором *-la-* (по край-

ней мере в алюторском, ср. [ЯиФА: 222]). Тем не менее эту форму удобнее рассматривать вне обсуждаемой нами выше системы противопоставлений личных и адъективных форм, так как она не только формально, но и аспектуально лежит вне этой системы.

Во всех трех языках основным контекстом употребления отглагольного предикатива являются конструкции, где он находится в сфере действия отрицания, а для чукотского языка данная функция отглагольного предикатива оказывается, по-видимому, единственной. В следующих алюторских примерах форма отглагольного предикатива используется как для событийного, так и для стативного предиката, находящихся в сфере действия отрицательных слов *allə* ‘не’ (вернее, *allə tita* ‘никогда’) и *kətvəl* ‘не надо чтобы’.

(114) алюторский: отглагольный предикатив (отрицание события)

allə tita a-nəm-ŋətalʔat-ka
нет когда PRED-деревня-приехать-PRED
ŋənvəp-ŋiviyərŋə-ŋ.
много-год-ADV

‘Ни разу за много лет не приехала в поселок’ [ЯиФА Т32:11].

(115) алюторский: отглагольный предикатив (отрицание состояния)

allə ŋəm-nan aŋqa-n əjō a-laʔu-ka.
не I-ERG море-NOM.SG раньше PRED-видеть-PRED
‘Прежде я моря не видела’ [ЯиФА Т32:6].

(116) алюторский: отглагольный предикатив (отрицание события)

kətvə mik-ənaŋ iv-ka, amojika qə-tvalʔatə-tkən.
не.надо кто-DAT.SG говорить-PRED молча IMP-сидеть-IPFV
‘Не надо никому говорить, молча сиди’ [ЯиФА Т15:7].

(117) алюторский: отглагольный предикатив (отрицание неопределенного процесса)

«*kətvəlʔ tətka-kjita a-tkəŋavsil-la-ka,*
не.надо морж-CAUSAL PRED-драться-PL-PRED
nə-tajəŋ-qin, tur-uwwi jəlʔalŋəjərʔə-turu.
QUAL-грешный-QUAL вы-NOM.PL кузен-2PL

‘Не надо драться из-за моржа, грех, вы кузены’ [ЯиФА Т22:26].

Отметим, что сама полярность иногда может выражаться косвенными средствами (так, для алюторского языка типичен отрицательный реальный протасис ‘если не Р’, выраженный аналитически сочетанием отглагольного предикатива с бытийным глаголом или, реже, просто отглагольным предикатом — ср. [ЯиФА Т10: 49]) или даже вообще не выражаться ([ЯиФА Т11: 12] с утверждением; [ЯиФА Т14: 5] с запретом), что показывает степень грамматикализации ее именно как средства выражения отрицания (ср. чукотский, где отглагольный предикатив используется вообще только в отрицательных контекстах).

- (118) алюторский: отглагольный предикатив (запрет без выраженного отрицания)

«*pəsō*, *a-tali-la-kō*, *qujəm*
 подождите! **PRED-кататься-PLUR-PRED** клапан.NOM.SG
mə-nnivə-n *ɲavkir*.
 1SG.A.HORT-шить-3SG.P женские.штаны
 ‘«Погодите, не катайтесь, зашью-ка я клапан у женских штанов»’ [ЯиФА Т14:5].

Аспектуальная нейтральность отглагольного предикатива хорошо видна в контекстах, где аспектуально параллельные формы различаются только полярностью — в таких контекстах видно, что аспектуальные значения при отрицании просто не выражаются. В первом из следующих двух примеров глагол в положительной полярности стоит в личной перфективной форме (аористе), во втором — в форме имперфектива. В обоих контекстах отрицательные корреляты имеют форму отглагольного предикатива:

- (119) алюторский: отглагольный предикатив и аорист

qənutʔa ʕoptəlʔu tə-nawəjan-na, *allə miyʔa*
 видно все 1SG.A-кормить-3PL.P не кто.NOM.SG
a-ɣala-ka?
PRED-обойти-PRED
 ‘Вроде, всех накормил, никого не обошел’ [ЯиФА Т10:8].

- (120) алюторский: отглагольный предикатив и имперфектив

allə a-takmitəŋat-ka, *uvik*
 не **PRED-даваться-PRED** сам.NOM.SG

tətə-tkə-nin.

держать-IPFV-3SG/3SG.P

‘Не дается {в руки}, держит себя’ [ЯиФА Т8:56].

Таким образом, алюторский язык (а также корякский, но не чукотский) использует при отрицании одну и ту же форму глагола вне зависимости от его акциональных характеристик и видового значения в контексте. Однако эти примеры не указывают однозначно на аспектуальные характеристики самого показателя отглагольного предикатива. Как отмечается в [Гусев, наст. изд.], отсутствие в реальном мире события ближе всего именно к состоянию, вне зависимости от внутренней структуры этого события (и, соответственно, от акционального класса глагольной лексемы). Что нейтрализует аспектуальность исходного предиката — показатель или полярность — неясно. Еще один типичный контекст для этой формы — сочетание с циркумфиксом дезидератива — также не дает окончательной ясности, так как он является ирреальным и, более того, непосредственно связан со стативностью через семантику желания; в таких контекстах требование отрицательной полярности в алюторском языке снимается (121). Наконец, пример (122) содержит аналитическую форму, в которой лексический глагол, обозначающий предельную ситуацию, выступает в форме отглагольного предикатива, а вспомогательный глагол — в форме будущего времени. В этом контексте форма потенциалиса выражает, по-видимому, деонтическую модальность, также могущую быть интерпретированной как состояние. Как и под отрицанием, в таких контекстах могут оказываться глаголы разных акциональных классов:

(121) алюторский: отглагольный предикатив от дезидератива

«*əmata, a-t-ivʔisi-ŋ-ka*».

мама.NOM.SG PRED-DESID-пить.воду-DESID-PRED

‘Мама, хочу пить’ [ЯиФА Т7:27].

(122) алюторский: отглагольный предикатив в ирреалисе (дебитив)

ənkət itə-lʔə-n turyin qura-ŋa

так быть-ATR-NOM.SG ваш.3SG олень-NOM.SG

itə-tkən ŋalvəlʔə-k, ilʔə-lʁu-nʼaq

быть-IPFV стадо-LOC белый-лицо-AUGM.NOM.SG

naqam yənun ənkət rənnə-lʔə-n, ɲanin
 только половина так рог-ATR-NOM.SG этот.NOM.SG
a-ntə-ka ta-ntə-la-ɲə-tki yematʔa
PRED-убить-PRED FUT-сделать-PLUR-FUT-2NSG/3P может
ya-syis wuttin turyin ɲavakək.
 PF-прийти.в.себя этот.3SG ваш.3SG дочь.NOM.SG
 ‘Тут у вас в стаде находится олень, белоголовый бык, только
 наполовину рогатый, его убейте (= вам следует его убить),
 может быть, придет в себя ваша дочь’ [ЯиФА Т29:48].

Поэтому для принятия решения о собственной аспектуальной характеристике отглагольного предикатива необходимо было бы рассмотреть контексты, в которых отглагольный предикатив не выражает отрицательной полярности или ирреальных значений. Если в чукотском языке эта форма используется только в отрицательных конструкциях, то в алюторском языке она изредка встречается и при положительной полярности, в реальных контекстах. Здесь она, в отличие от отрицательных и дезидеративных контекстов, явно предпочитает стативные предикаты ‘хочу пить’, ‘холодно’ и др.:

- (123) алюторский: отглагольный предикатив (статив в положительной полярности)
ən'n'iw-ətək tə-ralqivə-sqivə-k, ətt-u
 дядя-LOC.NSG 1SG-войти-ANDAT-1SG.AOR они-NOM.PL
quli-ra-ɲqal il-la-tkə-t,
 другой-дом-сторона **быть-PLUR-IPFV-3NSG**
a-jəmtʔəmtʔə-ka məri.
PRED-быть.испуганным-PRED потому.что
 ‘Я пошла к дядьям, они находились в другой части дома,
 потому что была испугана’ [ЯиФА Т31:1].

Единственный надежный алюторский пример, в котором форма отглагольного предикатива образована не от статива, остается достаточно близким к семантике состояния — неагентивный неопределенный процесс:

- (124) алюторский: отглагольный предикатив (неопределенный процесс в положительной полярности)
taraŋ-i titkəmsəsʔə-n, aktəka
 ставить.юрту-3SG.AOR Титкемесен-NOM.SG невозможно

un'un'i   *nə-pila-nin,*   *nuta-ŋ*
ребенок.NOM.SG   3.A.JUSS-оставить-3SG/SG.P   тундра-DAT
aktəka   *nə-lqətə-n,*   *a-tirŋə-ka.*
невозможно   3.JUSS-идти-3SG   **PRED-плакать-PRED**
'Титкымсысын построил дом, не может оставить ребенка,
не может в тундру пойти — {тот} плачет' [ЯиФА Т7:48].

Таким образом, вслед за [ЯиФА 222], мы характеризуем отглагольный предикатив как стативный показатель, или, в терминах более традиционной грамматики [Жукова 1972: 166] — форму состояния. К отрицательным и ирреальным контекстам она тяготеет потому, что отрицательная полярность и компонент желания стативизирует ситуацию в целом². При этом в отрицании, как и в других зонах ирреалиса, мы наблюдаем нейтрализацию аспектуальных контрастов.

5. Заключение

Мы рассмотрели формы, составляющие ядро видовременной системы чукотско-камчатских языков. Эти формы противопоставлены, во-первых, по морфологическому признаку личности ~ адъективности. Первые используют специальные глагольные согласовательные показатели, вторые — структурно (но необязательно формально) тождественны адъективам. И личные, и адъективные формы противопоставлены по перфективности ~ имперфективности, однако в личных формах перфектив немаркирован, а имперфектив выражается особым суффиксом, в то время как у адъективных форм аспектуальные граммы выражаются самим «адъективным» циркумфиксом.

Эти два противопоставления составляют систему из четырех форм. Однако в корякском старой личной имперфективной (т. е. суффиксальной) форме дополнительно противопоставлена новая, циркумфиксальная, причем последняя употребляется в реальных, а старая, суффиксальная — в ирреальных контекстах. При этом адъективная имперфективная форма в корякском и в

---

² В этой связи можно было бы предположить, что отрицательная и положительная интерпретация формы коррелирует с акциональным классом соответствующего глагола; эта гипотеза требует проверки.

алюторском употребляется достаточно редко и не входит в ядро глагольной парадигмы.

Ниже мы воспроизводим Таблицу 1 как Таблицу 3, на этот раз приводя не только традиционные наименования глагольных форм, но и названия типологических категорий, которые мы присваиваем этим формам на основании предложенного выше анализа.

Как видно из этого варианта таблицы, не все формы, которые характеризуются одинаковым положением в структуре глагольной парадигмы, тождественны функционально. Наиболее устойчива система перфективных форм. Хотя в целом она достаточно типична (противопоставление аориста и перфекта, возможная корреляция перфекта с категорией эвиденциальности), она обладает рядом нетривиальных общих черт, в частности, специальными дискурсивными употреблениями перфекта.

Система имперфективных форм, напротив, подверглась серьезным изменениям. Эти изменения обобщены в Схеме 1, отражающей временную референцию базовых имперфективных показателей (для наглядности сфера употребления когнатного суффикса имперфектива $-rkə(n)/-tkə(n)/-jkə(n)$ специально выделена):

Схема 1

**Временная соотнесенность показателей имперфектива
в чукотско-камчатских языках**

	прошлое	настоящее	будущее (ирреалис)
чукотский	$nə-qin$	$-rkən$	∅
алюторский		$-tkən$	∅
корякский	$k-η$		$-jkən$ ∅

Историю сдвигов, приведших к этим расхождениям, можно реконструировать лишь с большой долей условности.

Диахроническая исходность чукотской системы представляется в целом маловероятной. Имперфективная адъективная форма, являющаяся в чукотском основным показателем импер-

Таблица 3

**Опорные глагольные формы с традиционными ярлыками
и аспектуальной интерпретацией**

чукотский		алюторский		корякский	
ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ	ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ	ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ
«аорист» [ø]	«перфект» <i>ye-lin</i>	«перфективная основа» [ø]	«результатив» <i>ya-lin</i>	«прошедшее I» [ø]	«прошедшее II неочевидное» <i>ya-lin</i>
«аорист» <i>-rkən</i> ПРЕЗЕНС	«имперфект» <i>nə-qin</i> ИМПЕРФЕКТИВ	«имперфективная основа» <i>-tkən</i> ИМПЕРФЕКТИВ	«отглагольное прилагательное» <i>nə-qin</i> КВАЛИТАТИВ?	«настоящее» <i>k-ŋ</i> ИМПЕРФЕКТИВ РЕАЛИСА vs. «проблематичные» будущее II и наклонения <i>-jkən</i> ИМПЕРФЕКТИВ ИРРЕАЛИСА	«прилагательное» <i>nə-qin</i> КВАЛИТАТИВ

фектива, по-видимому, развивалась именно на основе предикативных адъективных контекстов, так как ее использование для оформления качественных прилагательных в предикативной позиции — функция, сохранившаяся во всех языках семьи и согласующаяся с периферийными глагольными функциями этой формы в алюторском и в корякском (квалитатив). Следовательно, можно предложить ее экспансию из показателя квалитатива (периферийного в корякском и алюторском по крайней мере на современном этапе развития этих языковых систем) в полноценный показатель имперфектива. Обратное развитие, с вытеснением в корякском и алюторском языках выражения исконно адъективного имперфектива личной морфологией и сохранением реликтовых отглагольных употреблений представляется маловероятным, так как предполагает расширение презентного показателя (как в современном чукотском) до обобщенного имперфективного значения (как в современном алюторском), с одновременным вытеснением этого же показателя из презенса в ирреалис в корякском.

Если предположить, таким образом, что показатель имперфектива исходно мог иметь референцию как к прошлому, так и к настоящему, встает вопрос о генезисе корякской системы. Использование показателя в формах ирреалиса, пусть редкое, надо, по-видимому, считать относительно ранним свойством системы, возможно, восходящим еще к праязыковому состоянию, так как независимое распространение имперфектива из зоны реалиса в зону ирреалиса (использование скорее второстепенное, но зафиксированное во всех трех языках) маловероятно. Его функцию в ирреальных формах, где он не является обязательным, надо дополнительно исследовать.

Таким образом, именно современная алюторская система имеет все шансы быть похожей на исконную. Если это так, то чукотская система развилась путем экспансии показателя, выражающего свойство или характеристику субъекта (квалитатив), постепенно забиравшего имперфективные функции и сужавшего показатель имперфектива до зоны настоящего времени. Корякская система развилась путем замещения исконного имперфектива в реальных формах новым показателем, так что старый показатель сохранился только в тех формах, для которых он, возможно, никогда и не был особенно характерен — в зоне ирреалиса.

Эти сдвиги привели не только к формальным, но и к существенным системным расхождениям между тремя родственными языками.

Об алюторской системе можно сказать, что время в ней грамматикализовано относительно слабо, и лишь на границе модальной системы обнаруживается показатель будущего времени, который по ряду параметров удобно, наряду с другими косвенными наклонениями, интерпретировать как категорию зоны ирреалиса.

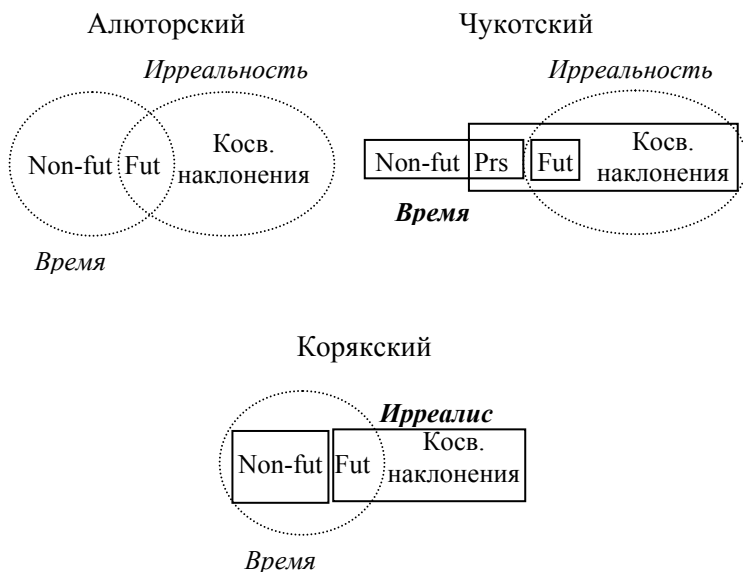
В корякском языке та же категория ирреалиса, также содержащая граммему будущего времени, уже вполне однозначно поддержана формально — в реалисе и ирреалисе используются различные показатели имперфектива.

В чукотском языке категория ирреалиса выражена не так явно, как в корякском, зато началось оформление трехчленного противопоставления по времени — правда, референция к настоящему и будущему пока не полностью размежевана: адъективная форма, противопоставленная личной форме настоящего времени, является формой небудущего времени и может, как и форма настоящего времени, быть соотнесенной с планом настоящего, а показатель презенса, хотя и относительно редко, но сочетается с показателем будущего и косвенных модальностей в значении имперфектива.

В целом на архаичность опять же претендует алюторская система — исходя из алюторской ситуации, где наличествует и категория будущего времени, и категория ирреалиса, но обе еще не вполне грамматикализованы, легко объяснить и чукотские, и корякские данные: первый язык сделал ставку на грамматикализацию времени, а второй — на грамматикализацию ирреалиса.

Несмотря на различия в использовании форм и показателей, немаркированными в этих системах являются одни и те же категории — граммемы перфективности, небудущего времени и реалиса — то есть форма аориста. Единственный фрагмент системы, в котором перфективность оказывается маркирована — это некоторые лично-числовые показатели, различающиеся в имперфективных и перфективных формах, однако выражение перфективности в согласовании не вполне последовательно и требует дополнительного изучения.

**Структурные различия в системе имперфектива
в чукотско-камчатских языках**

Поэтому симметричность противопоставления перфективных и имперфективных форм в Таблице 3 — абсолютная условность. Противопоставление эквиполентно только в системе чукотских адъективных форм, которые, обладая различными аспектуальными значениями, образуются по различным адъективным моделям. Но даже здесь формы не противопоставлены друг другу, конкурируя в зоне презенса. У адъективных форм в других языках картина также смазана, поскольку имперфективная адъективная форма в корякском и алюторском языках употребляется редко.

У личных форм противопоставлены чистая основа и форма с имперфективным суффиксом (который в чукотском имеет значение презенса или имперфектива ирреалиса, а в корякском — только имперфектива ирреалиса). Считать, вслед за интерпретацией ЯиФА алюторских данных, что речь идет о противопоставлении двух основ, немаркированной перфективной и суффиксальной имперфективной, с позиций внутригенетической типологии оказывается еще сложнее, чем даже оставаясь в рамках

алюторского языка. Общечукотскокамчатский имперфективный показатель имеет разную дистрибуцию в разных языках семьи и не является обязательным компонентом всех имперфективных форм, как ожидалось бы от маркера имперфективной основы — даже в алюторском языке, где он шире всего распространен, он относительно редко сочетается с будущим временем и косвенными модальностями и хотя и возможен, но, по-видимому, не обязателен для ирреальных форм в имперфективном значении.

Таблица 4

Взаимодействие между категориями аспекта и реальности

	реалис	ирреалис
перфектив	∅	∅
имперфектив	суффикс	
		[суффикс]

По этим соображениям более оправданной представляется точка зрения, отраженная в Таблице 4. Выражение имперфективности у реальных и ирреальных форм не только может осуществляться разными средствами (корякский), но и в разной степени обязательно во всех трех языках. Сама исходная основа является аспектуально немаркированной, но, в отсутствие аффиксов вида и ирреальности, получает перфективную интерпретацию так же, как это происходит с модальными и временными категориями, где дефолтным значением являются категории из зоны реалиса (небудущее время индикатива).

Из финитных форм вне описанной системы противопоставлений лежит лишь отглагольный предикатив (форма состояния, отрицательная форма) на *a-ka*. Аспектуально эту форму можно охарактеризовать как показатель статива, так как в тех редких случаях, когда она употребляется в положительной полярности, она сочетается в первую очередь со стативными глаголами. Основной, а для чукотского — единственной функцией этой формы является выражение отрицательной полярности, как в сочетании с лексическими показателями отрицания так и (реже) самостоятельно, где форма статива по-видимому выражает состояние отсутствия события в реальном мире.

Исследование осуществлено при поддержке гранта National Science Foundation 0553546 «Пять языков Евразии» и программы президиума РАН «Корпусная лингвистика», в рамках которых финансируется работа над корпусом алуторского языка, а также гранта РГНФ 08-04-00167а «Редкие и уникальные явления в языках РФ, находящихся под угрозой исчезновения».

Сокращения

A — Агенс; ABL — аблатив; ADJ — прилагательное; ADV — наречие; ALL — аллатив; ANDAT — андатив; AOR — аорист; ATR — атрибутив; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; CAUSAL — каузал (падеж); COMIT — комитатив; CONJ — конъюнктив; CVB — конверб; DAT — датив; DEICT — дейктический элемент; DESID — дезидератив; DU — двойственное число; EMPH — эмфатическая частица; EQUAT — экватив; ERG — эргатив; FUT — будущее время; HORT — гортатив; IMP — императив (личная форма); IMP1 — императив (неличная форма); IN — ин(ессив); INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INTJ — междометие; INTS — интенсификатор; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; ITER — итератив; JUSS — юссив; LAT — латив; LOC — локатив; NOM — номинатив; NSG — неединственное число; OPT — оптатив; ORD — порядковое числительное; P — Пациенс; PF — перфект; PL — множественное число; LOW.A — показатель иерархически низкого агенса; MULT — мультипликатив; NEG — отрицание; PLUR — плюрализатор; PLUR.S — мультисубъектность (объектность); PRED — предикатив; PTCL — частица; QUAL — квалитатив; REL — относительное прилагательное; SG — единственное число; SUP — супин; VBLZ — вербализатор; / — показатель комбинации Агенса и Пациенса (например, 3Sg/3Pl); 1, 2, 3 — показатели лица

Литература

- Беликов 1979 — Л. В. Беликов (ред.). Лымн'ылтэ: чукотские народные сказки и предания. Магадан: Кн. Изд-во, 1979.
- Володин 1992 — А. П. Володин. Императив в керекском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 98–106.
- Володин 1997a — А. П. Володин. Ительменский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 60–71.
- Володин 1997b — А. П. Володин. Чукотско-камчатские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 12–22.

- Володин, Скорик 1997 — А. П. Володин, П. Я. Скорик. Чукотский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 23–39.
- Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Фонетика. Морфология. СПб.: Наука, 1972.
- Жукова 1988 — А. Н. Жукова. Материалы и исследования по корякскому языку. СПб.: Наука, 1988.
- Кибрик 1997 — А. Е. Кибрик. Иерархии, роли, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания 4, 1997. С. 25–53.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Ландер и др. 2004 — Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004.
- Майсак, Татевосов 2000 — Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о самом себе // Вопросы языкознания 5, 2000. С. 68–80.
- Мальцева 1998 — А. А. Мальцева. Морфология глагола в алюторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
- Молл 1960 — Т. А. Молл. Краткий очерк грамматики корякского языка // Корякско-русский словарь. СПб.: Учпедгиз, 1960.
- Муравьева 1994 — И. А. Муравьева. О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью // В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, Н. В. Перцов (ред.). Знак: сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 191–202.
- Недялков 1979 — В. П. Недялков. Заметки о чукотских видо-временных формах: количественные характеристики // Лингвистические исследования Института языкознания АН СССР. М., 1979. С. 158–164.
- Недялков и др. 1984 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, И. В. Недялков, В. Г. Рахтилин. Значение и употребление чукотских видо-временных форм // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 200–260.
- Недялков и др. 1983 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, В. Г. Рахтилин. Результатив и перфект в чукотском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Результатив, стив, пассив, перфект. Л.: Наука, 1983. С. 101–108.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Пупынина 2012 — М. Ю. Пупынина. Способы выражения отрицания в чукотском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН. СПб., 2012.

- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 2. Л.: АН СССР, 1977.
- Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива: русский императив. Л.: Наука, 1986.
- ЯиФА — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор аллюторцев. М.: ИМЛИ РАН, 2000.
- Ятгыргын (ред.) 1963 — В. В. Ятгыргын (ред.). Лымнылтэ эйгысыкын / Сказки севера. Магадан: Кн. Изд-во, 1963.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal' // *Folia Linguistica Historica* 1. P. 61–74.
- Comrie 1979 — B. Comrie. Degrees of Ergativity: Some Chukchee evidence // F. Plank (ed.). *Ergativity*. New York: Academic Press, 1979. P. 219–240.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. Ph. D. Diss., Australian National University
- Kampfe, Volodin 1995 — H.-R. Kampfe, A. P. Volodin. Abriss der tschuktschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache. Harrassowitz, 1995.
- Kurebito (ed.) 2004 — T. Kurebito (ed.). Chukchi Folktales I. Chukotka Studies Committee. Japan, 2004.
- Mel'čuk 1986 — I. A. Mel'čuk. The dualizer and Pluralizers in the Alutor verb // B. Elson (ed.). *Language in global perspective*. Dallas, TX: Summer Institute of Linguistics, 1986. P. 421–488.
- Miestamo, van der Auwera 2011 — M. Miestamo, J. van der Auwera. Negation and perfective vs. imperfective aspect // *Chronos* 22, 2011. P. 65–84.
- van der Auwera et al. 2005 — J. van der Auwera, N. Dobrushina, V. Goussev. Imperative-Hortative systems // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 294–297.
- van der Auwera, Malchukov, Schalley 2009 — J. van der Auwera, A. Malchukov, E. Schalley. Thoughts on (im)perfective imperatives // J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y.-M. Shin, S. Skopeteas & E. Verhoeven (eds.). *Form and Function in Language Research. Papers in Honour of Christian Lehmann*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 93–106.